

Наталья Ключарёва (Ярославль)

АННА ПОЁТ

Молодого поэта по имени Петр нисколько не занимала история сталинских репрессий. Даже больше, его раздражали любые разговоры о тоталитарном прошлом. И все же, сам того не желая, он делает важное открытие, которое заставит всполошиться местное отделение «Мемориала», а самого Петра вытщит из творческого кризиса.

Об авторе:

Наталья Ключарёва родилась в 1981 году в Перми. Окончила филфак Ярославского университета. С 2004 по 2014 жила в Москве, сейчас в Ярославле. По первой профессии — журналист, по второй — писатель, по третьей — редактор, по четвертой — переводчик (с английского и французского). Пишет и для детей, и для взрослых, и прозу, и стихи, и нон-фикшн, и художественную прозу. Автор 13 книг, переведенных на 12 иностранных языков, включая китайский, греческий, японский и тамильский. В 2014 году по повести «Деревня дураков» в МХТ им. Чехова был поставлен одноименный спектакль (режиссер Марина Брусникина).

Наталья Ключарёва

Анна поёт

Действующие лица

Живые:

Петя Антонов, 19 лет, поэт.

Стася, 19 лет, возлюбленная Пети.

Ярослав, 25 лет, выпускник истфака, сотрудник Мемориала

Май Катунин, 77 лет, бывший зек, председатель Мемориала

Профессор, 64 года, отец Стаси, алкоголик

Володька, 68 лет, деревенский дурачок

Раевский, 86 лет, бывший прокурор, пенсионер.

Мертвые:

Ия, 19 лет, старшая сестра мамы Стаси

Антонов, 37 лет, убийца Ии, прадед Пети

Анна, 27 лет, жена Антонова

Действие происходит в 1999 году в обычном областном городе

1 акт

Сцена 1

Остановка у памятника Ленину. ПЕТЯ встречает СТАСЮ из переполненного автобуса.

ПЕТЯ. Наконец-то! Я уж думал, ты не приедешь!.. Ты чего?

СТАСЯ. Ничего.

ПЕТЯ. Не, ну я же вижу. Что-то не так... Кто-то умер?

СТАСЯ. Нет... То есть да. Но давно. Ничего страшного. То есть, наоборот...

ПЕТЯ. Да говори уже! А то меня разорвет сейчас!

СТАСЯ. Да, не психуй ты так.

ПЕТЯ. Ну я же поэт!

СТАСЯ. Не поэт, а человек-паук какой-то.

ПЕТЯ. Не понял.

СТАСЯ. Чуть что - сразу на стены лезешь.

ПЕТЯ обиженно умолкает.

СТАСЯ. Говорю же, ничего не случилось. Просто ну... кошмар приснился.

ПЕТЯ. А умер-то кто?

СТАСЯ. Матери сестра. Старшая.

ПЕТЯ. Ой, блин... Ты это... горюешь?

СТАСЯ. С чего бы? Я о ней вообще только сегодня узнала.

ПЕТЯ. Как это?

СТАСЯ. В этом вся и фигня.

ПЕТЯ. А, понял. Разругались, не общались, а теперь надо на похороны. У меня так с дедом было. Я думал, никто о нем не вспомнит. А такая толпа на поминки припёрлась. Всякое старичье. Я их первый раз в глаза вижу. А они такие - мы с Васькой почти братья. Из одного детдома... Просто он со всеми этими "братьями и сестрами" разосрался...

СТАСЯ. Да погоди ты. У меня не про похороны. Эта сестра вообще миллион лет назад умерла.

ПЕТЯ. В неолите что ли?

СТАСЯ. Дурак. Давно просто. Мать уже после ее смерти родилась. А эту Юю в 37 году убили на допросе.

ПЕТЯ. О нет... Только не это... Мне в школе Иван Денисыча хватило. Лучше про свой кошмар расскажи.

СТАСЯ. Так она мне и приснилась!

ПЕТЯ. Типа, здравствуйте, я ваша тетя. Меня убили чекисты.

СТАСЯ. Очень смешно!

ПЕТЯ. Кстати, мне тоже сегодня такое приснилось! Инициация в ядерном реакторе. Может, это полнолуние? Меркурий в пятом доме?

СТАСЯ. Да, куда уж без Меркурия. Мать тоже про него всё время...

ПЕТЯ. И, прикинь, в этот реактор надо было прыгнуть. Как в кипящий котел у бабы Яги.

СТАСЯ. Она шла по набережной. По снегу. В летнем платье...

ПЕТЯ. Кто?! Баба Яга?!

СТАСЯ. Ия! Ты вообще способен хоть минуточку...

ПЕТЯ. Да, я очень способный!

СТАСЯ. ... помолчать!

ПЕТЯ. Ой, вот этого не обещаю. Я ж поэт.

СТАСЯ. Не поэт, а "радио России" какое-то. Никогда не выключается!

ПЕТЯ. В Петропавловске-Камчатском полночь!

СТАСЯ. Я тогда вообще ничего рассказывать не буду! Никогда! Ты тут сам себя развлекаешь неплохо.

ПЕТЯ. Ну, куда ты! Уже и обиделась. Ну как так можно! Ну, Стась, хорош. Я тебе стишок сочинил. Прочитать?

СТАСЯ качает головой. ПЕТЯ обижается.

СТАСЯ. Я сначала сон дорасскажу. Меня до сих пор трясет от всей этой фигни. Короче, девушка. Идёт по снегу в туфельках. Проваливается по колено. Смотреть тошно. А за ней идёт ужасный такой мужик, весь черный...

ПЕТЯ. Черный человек в черном пальто...

СТАСЯ. В черной кожаной куртке. Не перебивай, а? И он так идёт, будто...я не знаю...будто у него каждая нога весит двести тонн... И почему-то во сне я знаю, что это...ну, короче, что он ее убил... И что с тех пор они так и ходят друг за другом, никак не могут остановиться. И разойтись.

ПЕТЯ. А почему по набережной? Так романтичнее?

СТАСЯ. Дурак. Вообще ничего смешного.

ПЕТЯ. Слушай! А давай первую пару загнем, все равно опоздали. И по набережной погуляем? А? Я тебе стишок...

СТАСЯ. Рехнулся?! Я туда вообще никогда не пойду больше!

ПЕТЯ. Почему? Ну, сон. Ну, девушка в туфлях. Мужик в кожанке. Чего тут такого ужасного, чтоб на набережную теперь не ходить?

СТАСЯ. Сама не знаю. Не могу объяснить. Ничего страшного, вроде. Но так страшно. Прямо тошнит.

ПЕТЯ. Стась, с чего это тебя всё тошнит-то? Ты часом не..?

СТАСЯ. Дурак!

ПЕТЯ (бормочет)... то назовём Андреем или Анной...

СТАСЯ. Реально страшной там была только брошка. У девушки. Такая белая, с острыми шипами. Ну, типа цветков какой-то. Но выглядела, как орудие пыток. Вот с этой брошки всё и началось.

ПЕТЯ (*ритмически*). Белая брошка, черный человек... та-та-та снег...

СТАСЯ (*кричит*). Да дай сказать-то! Бесишь уже!

ПЕТЯ. Ну, Стась, ну ты чего. Я же.. это...

СТАСЯ... поэт. Ага. Короче, тут история как раз для стиха. Или для фильма ужасов. Я матери с утра зачем-то этот сон рассказала. Ну, тошно было так... Молчи, пожалуйста! А она как про брошку услышала – прямо побелела вся. Порылась у себя в столе. И дает мне фотку. Старинная такая, с резным краем. А там у девушки – точь-в-точь такая брошка. Но главное – это та же самая девушка. Ошибки быть не может. У неё очень... запоминающееся лицо. Красивая такая...

ПЕТЯ. Как ты?

СТАСЯ. ...а смотреть страшно. И вот мать мне говорит: мол, это Ия, моя сестра. Я вообще выпала. В смысле, говорю, сестра? Почему я о ней первый раз слышу? А мать такая: ну, я думала, тебе еще рано про все это знать, *малыш*... Ненавижу, когда меня так называют!

ПЕТЯ (*пробуя слово на вкус*). Малыш... Ну да, довольно банально.

СТАСЯ. Короче, стала она на меня всё это вываливать. Как она тоже ничего не знала. Как ей её мать только перед смертью рассказала и про сестру, и про отца. Мать-то, ну, моя в смысле, думала, он на фронте погиб, как у всех. А его в 38-м расстреляли.

ПЕТЯ. Стой, погоди. У меня с математикой проблемы. Цифры не сходятся. Тебе лет сорок должно быть по этим раскладам.

СТАСЯ. Дурак! Почему мне-то? Это матери 42 было, когда она меня родила. А отцу и того больше. Им даже на партсобрании говорили аборт делать.

ПЕТЯ. Офигеть!

СТАСЯ. Ну да. Боялись, что урод родится.

ПЕТЯ. Заботливые какие!

СТАСЯ. Угу. Так вот. Про сестру, ну, про Ию эту, ничего неизвестно было. И мать, ну, то есть бабушка моя, умирая, попросила мать, ну мою то есть, эту Ию найти. Она думала, она жива. Они с дедом в ссылке жили, в Казахстане где-то. А Ия тут оставалась. Она от них отеклась. И они думали, что уцелела... А её ещё раньше деда забрали. Это мать уже потом выяснила, когда сюда приехала. И стала по этим архивам ходить...

ПЕТЯ. Фуф. Слушай. Давай я тебе стишок все-таки прочту. Не могу больше. Всё вот это... ну, его, а?

СТАСЯ. Не могу!

ПЕТЯ. Чего?

СТАСЯ. Ну вот этого. Вот этого «ну его» не могу. Понимаешь?

ПЕТЯ. Честно? Нет.

СТАСЯ (*вздыхает*). Я о ней для чего узнала? Чтобы тут же выкинуть из головы? Мне кажется, я её... ну, как будто предаю что ли.

ПЕТЯ. О, нет... Это всё слишком серьезно. Все эти громкие слова. Предам. Не предам. «Не предать забвению». Ты еще скажи «наше предназначение» или «долг перед отечеством». Саму-то не тошнит?

СТАСЯ. Тошнит.

ПЕТЯ. Не, слушай, правда, может, тест купим?

СТАСЯ. Дурак!

ПЕТЯ. Ты меня за десять минут десять раз дураком назвала.

СТАСЯ. Ага. Можешь писать на визитках. Пётр Антонов. Дурак.

ПЕТЯ. Дурак – это не профессия.

СТАСЯ. Конечно. Это призвание.

ПЕТЯ. Зато у меня самая красивая девушка на свете.

СТАСЯ. А мать сегодня сказала, что красивых почему-то особенно жалко. Ну, про Ию. Что будто бы красивых всё плохое должно обходить стороной.

ПЕТЯ пытается поцеловать СТАСЮ. Она отпихивает его, идёт вперёд. Он следом. Появляются ИЯ и АНТОНОВ.

ИЯ (*проходя мимо ПЕТИ, шепотом*). Это было очень больно. И очень долго.

ПЕТЯ (*подскакивает*). Что?! Кто здесь?!

СЦЕНА 2

МАЙ лежит, привалившись к забору. Чуть поодаль, что-то бормоча, лежит ПРОФЕССОР. Над МАЕМ стоит ЯРОСЛАВ с бумагами.

МАЙ. Чего ты надо мной нависаешь, как Железный Феликс? Не выношу этот прокурорский прищур...

ПРОФЕССОР. Великий инквизитор...

МАЙ. Во-во. Я ему всегда говорю. С таким взглядом надо не в правозащитники... А наоборот. В правоохранительные органы...

ЯРОСЛАВ (*протягивает МАЮ бумаги и ручку*). Вот здесь подпишите. И закончим это.

МАЙ. Вот и мой следователь, незабвенный товарищ Миронов, точно так же говорил! Слово в слово!

ЯРОСЛАВ. Да подписывайте уже!

МАЙ. Не-а! Не дожدهшься, начальник!

ЯРОСЛАВ. К несчастью, это вы у нас начальник, Май Саныч. И без вашей подписи завтра у нас придут из налоговой и опечатают офис. Все ваши бесценные базы данных.

МАЙ. Да понял я, понял. Не все мозги отбили на великой стройке... Эх, сколько говна мне родина... мать ее...скормила... имею полное право запить съеденное чистым спиртом... (*поет*) И родина щедро кормила меня...

ЯРОСЛАВ. Вот здесь и здесь.

МАЙ. И портфельчик-то у тебя, как у товарища Миронова... Устал я, парень. Устал, хуже трупа. Чего ты ко мне присосался... Давно бы научился каракули мои сам рисовать...и не охотился б за мной по подворотням...

ЯРОСЛАВ. Я тоже устал! Устал вам объяснять, что не могу подделывать подписи на финансовых документах. Подсудное дело...

МАЙ. А и сходи под суд. Чего очкуешь? Не курорт, однозначно. Зато на своей шкуре опробуешь. А то всё пишет, пишет. Рассуждает... «Травма памяти в ракурсе

новейших...»

ЯРОСЛАВ. Спасибо за совет. Ещё вот тут, пожалуйста.

МАЙ. Да сколько же их у тебя, щукин ты кот!

ПРОФЕССОР. Протестую. Щукин - не кот. Кот - архитектор. То есть архитектор - Шрёдингер. Нет, кот... Черт... только не это...

Появляется СТАСЯ. Рядом, декламируя стихи, бежит ПЕТЯ. ПРОФЕССОР пытается спрятаться, натянув на голову пальто. СТАСЯ замечает его, резко останавливается. ПЕТЯ некоторое время по инерции продолжает идти и читать стихи, уже один.

СТАСЯ. Папа...

ПРОФЕССОР. Протестую. Мы не знакомы.

МАЙ. Опять он протестует. Протестант какой-то.

СТАСЯ. Папа, вставай. Нельзя лежать. Замёрзнешь.

МАЙ. Мёрзнут только те, кто в лагерях не был... Не в пионерских, барышня....

СТАСЯ (*тянет ПРОФЕССОРА за воротник*). Папа, пожалуйста... Вставай. Идем домой.

ПРОФЕССОР. Нет у меня никакого дома... У птиц есть норы... то есть нет... это у лис... У лис есть крылья... Черт... Всё смешалось...

ПЕТЯ (*впервые прислушивается*). У лис есть крылья? Это гениально! *У лис есть крылья... У птиц есть норы... У лис... та-та-та... вернулся в город... (отходит в сторону бормоча)*

ЯРОСЛАВ (*СТАСЕ*). Давайте я помогу. Вы под то плечо, я под это.

СТАСЯ, ЯРОСЛАВ и ПРОФЕССОР медленно уходят. ПЕТЯ, не замечая, идёт в противоположную сторону, погружённый в своё бормотание.

МАЙ. Эй! Стой! Все разбежались!.. Анка! Донна Анна! Ты-то хоть тут?

Появляется АННА. Ее волосы заплетены в две косы. Опускается рядом с МАЕМ. МАЙ протягивает трясущую руку, сжимает косу АННЫ.

МАЙ. Ишь, какие канаты... здесь ты, здесь, золотая... куда тебе деваться, неуспокоенной... я тебя найду, найду... похороню по-человечьи... не по-собачьи... по-собачьи только плавают... и сношаются... а смерть дело серьезное... тут нужно чтоб по-людски...

Кладет голову АННЕ на колени, засыпает. Бегом возвращается ПЕТЯ.

ПЕТЯ. Где она? Куда она с ним пошла? Я задумался... дошел до Ленина... опомнился, а ее нет... (*МАЮ*) Вы не видели? А?.. Черт, спит.

АННА поднимает голову и смотрит на ПЕТЮ.

ПЕТЯ (*вздрагивает*). Кто здесь?! Опять поглючилось... (*смотрит прямо на АННУ*) будто кто-то есть... (*отворачивается*) Нет, ну куда же она ушла... с каким-то... клерком... как она могла... любимая, меня вы не любили... (*уходит, бормоча, опять не в ту сторону*)

Сцена 3

Обшарпанная квартира, больше похожая на брошенный дом. Пласты обоев отходят от стен, вместо выключателя - моток проводов. Мебели нет. Только книги. Из книг сложено подобие кровати. СТАСЯ и ЯРОСЛАВ вводят ПРОФЕССОРА.

ПРОФЕССОР. Протестую, юноша! Возмездие всего лишь продолжает насилие... (*спотыкается, СТАСЯ и ЯРОСЛАВ тоже едва удерживаются на ногах*) Да вашу

мать! Когда вы меня оставите в покое...

ЯРОСЛАВ (*СТАСЕ, тихо*). Куда его?

СТАСЯ кивает на ложе из книг. ЯРОСЛАВ осторожно пытается уложить ПРОФЕССОРА.

ЯРОСЛАВ. Вы... я надеюсь... сами-то не здесь живете?

СТАСЯ. Нет, конечно. Он от нас ушёл. Когда я в девятом классе была.

ЯРОСЛАВ. Простите. Это был глупый вопрос. И бестактный.

ПРОФЕССОР. Асенька, доченька, тебе мать деньги даёт на завтраки в школе...

СТАСЯ. Я уже в универе, пап, на третьем курсе...

ПРОФЕССОР. Не заставляй меня унижаться! Давай деньги! И не ври, что нет!

ЯРОСЛАВ мягко берет СТАСЮ за плечи, ведет к двери. Наступает на какую-то книгу, подбирает, бросает взгляд, поднимает бровь.

ЯРОСЛАВ (*СТАСЕ, тихо*). Можно я возьму? С возвратом, разумеется...

ПРОФЕССОР (*неожиданно трезво*). Прижизненное издание Мандельштама?

Разумеется, нельзя! Деловой какой... (*СТАСЕ*) Анастасия! С этим не путайся, он тебя продаст, перепродает, да ещё должна останешься!

СТАСЯ (*ЯРОСЛАВУ, тихо*). Конечно, возьмите. Тут пропадет всё...

ЯРОСЛАВ нерешительно оглядывается на ПРОФЕССОРА и быстро опускает книгу в карман.

ЯРОСЛАВ. Анастасия - прекрасное имя.

СТАСЯ (*мрачно*). Я его вообще не перевариваю!

ЯРОСЛАВ. Да? И как же вас тогда звать?

СТАСЯ. Никак. И вообще, куда это вы меня звать собрались?

ПРОФЕССОР (*кричит*). Убирайся, падла! Хватит меня мучить!

СТАСЯ выбегает из квартиры. ЯРОСЛАВ устремляется следом. По пути поднимает ещё одну книжку, быстро открывает и тоже сует в карман. Тянется за третьей, но останавливает себя и с достоинством выходит. ПРОФЕССОР отстреливается книгами от невидимых врагов.

ПРОФЕССОР. Убирайся, падла! И ты! И ты! Все вы, убирайтесь!

СЦЕНА 4

Памятник Ленину. Сбоку - телефонная будка. ПЕТЯ сидит на полу в будке, курит и жалобно говорит в трубку. В руках у него потрёпанный букет гвоздик, какие обычно кладут к памятникам.

ПЕТЯ. Почему ты не пришла? Я ждал тебя с цветами... Что значит заболела? Ты просто разлюбила. Ушла с другим... Какого ещё папу не заметил? Римского? А... черт, извини... Что значит бесчувственный? Я очень чувствительный, даже слишком... Ты вот мне нарасказывала всяких ужасов про расстрелянных родственников... Так мне теперь мерещится всякое... Будто рядом кто-то стоит и глядит... Знаешь, как я боюсь сойти с ума? *Лучше посох и тюрьма*... Какая сума?.. а-а-а, ну неважно... Я увижу тебя завтра?.. В смысле в библиотеку?!... Зачем про них ещё что-то узнавать?.. Нет, ты просто разлюбила... Ушла с клерком... Какой ещё Мемориал?.. а-а-а, ну понятно, общие интересы... Так это он назначил тебе свидание в библиотеке?.. Нет, не прощайся!!!! Я стишок написал, послушай... тебе посвящен... (*Вытаскивает из кармана бумажку*). Слушаешь?

*Она умрет. И он умрет.
Но он стихи о ней напишет
И спрячет тень от тени от
В хрустальный гроб четверостиший.*

*И вот как будто бы жива
Как будто спит, как будто дышит.
Стоят вокруг его слова,
Но звук становится все тише....*

Ты слушаешь?.. Что?! Какой еще Вике?!... Она с ума сошла, твоя Вика! В жизни не посвящал ей никаких стихов! Мы с ней вообще не знакомы! Что значит вчера видела? Ты вчера вообще с клерком гуляла, чего ты видела?.. ну-у, встретил случайно...ну-у, проводил... Стой!.. эх, бросила... *(выходит из будки, памятнику, сердито)* ну, а ты чего стоишь, пальцем тычешь? Это, между прочим, неприлично, тебя мама не учила? Что значит украл у тебя цветы? На, подавись *(швыряет звезды к пьедесталу)* И не украл, а реквизировал. Для нужд революции... сексуальной... Только, не пригодилось... Хотя... *(хватает букет, снова бросается в будку)* Але, Виктория?... Что значит Вероника? А-а-а, ну неважно... Тебе мой стих вчера понравился? Ну, про хрустальный гроб... Как не помнишь?.. а-а-а...м-м-м... Чего я хотел? Да неважно... ну, на свидание пригласить... Что?!!! Придешь?!!!! Правда?!!! Жду тебя у Ленина! *(Выходит из будки, пританцовывая)* Да, я люблю другую. Но она предпочла какого-то... с портфельчиком... *(памятнику)* Тебе этого не понять... *(в нетерпении начинает бегать вокруг памятника)*.

Сцена 5

Набережная, чугунная решетка парапета, за которой мрак. Ночь, фонари. ИЯ в летнем платье идет по колена в снегу. За ней АНТОНОВ. СТАСЯ стоит под фонарем. ИЯ и АНТОНОВЫМ подходят к СТАСЕ и смотрят на неё.

СТАСЯ. Уходите. Я не хочу. Чего вам надо? Я не хочу! Какое мне дело? Вы мертвые! Вам уже ничем не помочь! Ну чего вам надо? Свечку поставить? Я поставлю хоть сто – только вы же все равно атеисты. Перестаньте мне снится! Не хочу про вас ничего знать!

ИЯ с АНТОНОВЫМ смотрят на СТАСЮ. СТАСЯ пытается убежать, но вязнет в снегу. ИЯ с АНТОНОВЫМ идут за ней следом.

Сцена 6

Библиотека. СТАСЯ идет по коридору с подшивкой старых газет, которая норовит выскользнуть у нее из рук. ЯРОСЛАВ догоняет СТАСЮ. И на лету подхватывает всё-таки выпавшую подшивку.

СТАСЯ *(рассеянно)*. Спасибо...

ЯРОСЛАВ. Я донесу до вашего рабочего места. Эти старые газеты ужасно тяжёлые. Будто впитали в себя тяжесть того времени... У вас тоже 37-й? Я так и думал. А вы почему интересуетесь? По учебе? Или... личное?

СТАСЯ. Личное.

ЯРОСЛАВ. Я тоже начинал с личного. Бабушкин брат и его невеста. Но это...затягивает...теперь занимаюсь профессионально. Так что если вдруг... Вы,

например, запросы в архив составлять умеете? Могу помочь.

СТАСЯ. С чего бы вдруг?

ЯРОСЛАВ. Скажем так: воспринимаю это как свой гражданский долг.

СТАСЯ. Пфф. Ясно. Спасибо, не надо.

ЯРОСЛАВ. Подождите!

СТАСЯ. Слушайте. Спасибо за заботу и всё такое. Но нет настроения разговаривать. Совсем.

ЯРОСЛАВ. Понимаю. Меня эта тема тоже в депрессию вгоняет. Читаешь, читаешь все эти протоколы допросов... будто перекачиваешь через сердце океаны мрака...

СТАСЯ. Очень...поэтично.

ЯРОСЛАВ. Вы меня извините. Я ни в коем случае не пристаю. Я же видел. У вас молодой человек. Который почему-то ушел в другую сторону, когда ваш папа...

СТАСЯ пытается выдернуть у ЯРОСЛАВА подшивку, но он держит крепко.

ЯРОСЛАВ. Не сердитесь. Просто иногда так хочется поговорить с кем-то живым. Кто не отмахнется и не скажет: кончай гнать свою чернуху...когда все это было... да и было ли вообще...

СТАСЯ. У вас ведь есть этот старик...

ЯРОСЛАВ. Май Саныч? Да, великий человек. Но... Пьет по три недели. Потом под капельницей отлёживается. Потом приходит в офис. Злой, как тысяча собак. За неделю делает все накопившиеся дела. Распугивает всех потенциальных спонсоров. И снова запивает (*сгружает газеты на стол*) Ну, не буду больше надоедать. Успехов. Если что – я, как истина, где-то рядом.

Отходит, садится за дальний стол, за спиной у СТАСИ. Смотрит на нее, водя ручкой по тетради.

Сцена 7

Библиотека, читальный зал. СТАСЯ листает подшивку старых газет. ИЯ с АНТОНОВЫМ в противогазах ходят между столами.

СТАСЯ. В газете «Северный рабочий» за 37 год очень много противогазов. Директор завода целый день работает в противогазе. Автопробег в противогазах, физкультурпарад в противогазах... Какая гадость! Я однажды на ОБЖ заглянула в противогаз. Там так воняло, будто кто-то наблевал. Не представляю, как можно засунуть в *это* лицо... Или вот, например, фотка: учительница у доски в противогазе и все дети тоже. Сидят, ручки на партах. Прилежные слоники... Смотришь – и начинаешь задыхаться... Тут есть одна заметка. Я над ней просидела, наверное, полчаса. (*Читает*). «Жёны комсостава из района...» Это ж надо так людей называть... Короче, летом 37-го эти *жёны из района* отправились в областной центр на какой-то съезд. Пешком. И в противогазах. 70 километров. Ночевали под открытым небом. Интересно, на ночь снимали? Наверное, нет. Я так ярко представила себе все это. Как в кино. Вот какой-нибудь колхозник работает в поле. Поднимает голову и видит вдалеке – косынки, платица – «девчата идут». Подходят ближе. А под косынками – хоботы и стеклянные глаза... Босх отдыхает...

Вот мне интересно, что у них в этих головах, засунутых в противогазы, было? Как они себе самим этот бред объясняли? Ну, там про боеготовность — это понятно, официальная версия. А внутри? Вот что я такое делаю, когда иду в противогазе 70 километров по жаре? Похоже на какую-то страшную сказку. Где женщина дает зарок не есть, не пить, НЕ ДЫШАТЬ, чтобы отвести беду...

ЯРОСЛАВ подходит к СТАСЕ.

ЯРОСЛАВ. Библиотека закрывается. Вы идёте?

СТАСЯ кивает. ЯРОСЛАВ берет подшивку газет. СТАСЯ пытается отобрать, он не отдает.

ЯРОСЛАВ. Нашли, что-нибудь?

СТАСЯ. Ну, так. Совсем маленькое объявление. Среди других. Ищу няню, пропала собака, порываю связь...

ИЯ берет у ЯРОСЛАВА подшивку и громко, как на пионерской линейке, читает.

ИЯ. «Порываю всякую связь с родителями: Виктором Александровичем и Ольгой Мироновой Царенко, проживающими в городе Чикмент Южно-Казахстанской области, Казахской ССР. Подпись: И. В. Егорова».

ИЯ захлопывает подшивку, отдает ЯРОСЛАВУ, отходит к АНТОНОВУ.

СТАСЯ. Ничего особенного. Даже не знаю, зачем искала.

ЯРОСЛАВ. Ты её осуждаешь?

СТАСЯ. Нет.

ЯРОСЛАВ. А я – да.

СТАСЯ. Вы бы так не поступили?

ЯРОСЛАВ. Нет! Никогда!

СТАСЯ. Легко осуждать, сидя в безопасности. А когда вокруг люди исчезают...

Каждую ночь, как в игре в мафию. Утром горожане открыли глаза и увидели...

Никто из нас не знает, как бы повел себя. Чего бы натворил со страха.

ЯРОСЛАВ. Да, я осуждаю. И мечтаю устроить суд и наказать виновных.

СТАСЯ. Суд над мертвецами? Ну, у каждого своя мечта.

ЯРОСЛАВ. Некоторые особо удачливые еще вполне живы...

Сцена 8

Офис "Мемориала". Тесная комнатуха, заваленная ворохами бумаг. В центре - облезшая парта, на ней телефон, переполненная пепельница, рулоны факсов. Половину парты занимает огромный монитор компьютера. За ним сидит ЯРОСЛАВ, с бесстрастным лицом стучит по клавишам. Рядом - всклокоченный МАЙ с беломором в зубах. На полу у его ног АННА плетет свои косы. МАЙ читает факс, яростно комкает, швыряет в экран компьютера. ЯРОСЛАВ невозмутимо продолжает печатать.

МАЙ. Ууу, щучонок картавый, опять у него "бюджет трещит по швам". Да это жопа твоя воровская трещит, а не бюджет! Черная икра уже не переваривается!

"Рассмотрим в следующем квартале". Чего ты там рассмотришь? Ты даже свой причиндал рассмотреть не можешь, брюхо мешает! Ууу, картавый выродок!

ЯРОСЛАВ *(продолжая печатать)*. С Лениным ругаетесь?

МАЙ. Чего?

ЯРОСЛАВ. Ну, обычно это Ленин у вас "картавый выродок".

МАЙ. Ядрёна мать! Ему смешно! А "Книгу памяти" на какие шиши? А аренду?

Вышвырнут на хрен из этой конуры! *(Хватает телефон, орет в трубку)*. Чего у тебя там трещит, вошь одномандатная?! Хочешь, чтобы я у тебя в Думе на раскладушке голодать лёг? Да легко! Меня твой дед-вертухай хорошо выдрессировал. Месяцами могу не жрать... *(Швыряет трубку)*. Отключился,

потрох!

ЯРОСЛАВ. Это вы с кем сейчас говорили? С Молодцовым из Думы?

МАЙ. С Ильичом! Прямая линия в пекло!

ЯРОСЛАВ. У него, правда, дед в лагере работал? Охранником?

МАЙ. Ну да. Сначала в ВОХРе, потом до начлага дослужился. Карьеру, гнида, сделал. На костях.

ЯРОСЛАВ. В каком лагере?

МАЙ. В каком, в каком. В моем. В ИТЛ-12. Плотины строили. Доходяги в котлован падали, их потом сверху бетоном заливали, вот тебе и плотина...

ЯРОСЛАВ (*глаза быстро бегают по экрану компьютера*). Молодцов Мирон Семёныч — он?

МАЙ. Он, он. Гондон Говёныч.

ЯРОСЛАВ. Май Саныч, у вас "Беломор" закончился.

МАЙ заглядывает в пачку, комкает её, швыряет, идёт к дверям.

ЯРОСЛАВ. Только боярышник не покупайте.

МАЙ. Командир нашёлся. Я с 53-го года никому не подчиняюсь. С тех пор как на волю вышел.

МАЙ выходит, громко хлопнув дверью. ЯРОСЛАВ аккуратно набирает номер.

ЯРОСЛАВ. Это из "Мемориала" беспокоят... Не сомневаюсь, что на совещании... Просто передайте... У меня тут одна статья... *"Внук сталинского палача метит в мэры"*... Завтра появится в газетах... Много ярких деталей, вот например... *«Тела умерших от истощения эзков замуровывали в бетон»*... Что? Уже освободился? Отлично... Да... Мои условия? Да вы же сами знаете. Книга памяти. Все оставшиеся тома одним платежом. Аренда за год. И не эту подсобку, разумеется. А нормальный офис... Да, можно и кабинет в Думе... Нет, не наплею. И деньги на зарплату сотрудникам и прочие расходы... Я пришлю счёт.

Сцена 9

ЯРОСЛАВ и СТАСЯ идут мимо памятника Ленину.

ЯРОСЛАВ (*незаметно пододвигаясь к СТАСЕ*). Ты спрашиваешь, кого я собрался судить. Следователя Раевского. По прозвищу Декабрист. Слышала про такого?

СТАСЯ. Нет.

ЯРОСЛАВ. Ну что ты! Его подпись на половине приговоров. И он, чуть ли не единственный из всех уцелел. Ты ведь знаешь, в 38-м была вторая волна, всех палачей 37-го отправили вслед за жертвами... А Декабрист выкрутился как-то. И после разоблачения культа личности. И дальше. Дослужился до пенсии. Живет преспокойно. Только бессонницей страдает.

СТАСЯ. А это-то ты откуда знаешь?

ЯРОСЛАВ. Да так. Знаю.

СТАСЯ. Слушай, а тебе кошмары не снятся?

ЯРОСЛАВ. Бывает. Это неизбежно, когда такими вещами занимаешься.

СТАСЯ. А что снится?

ЯРОСЛАВ. Ну-у-у. Например, площадь, полная людей. Обычно, кстати, именно эта, у памятника. И черный луч, который выхватывает из толпы человека – и тот исчезает. И я пытаюсь понять, где логика, кого хватают? Рыжих? Старых? Нерусских? Интеллигентов? Тех, у кого в одежде есть красный цвет? Нет красного цвета? И не могу вычислить. Никогда не могу угадать, кто следующий.

СТАСЯ. Ты изучаешь прошлое, чтобы понять, как выжить, если это повторится?

ЯРОСЛАВ. Я хочу понять логику уничтожения...

СТАСЯ. Но зачем?! Чтобы прокачать логическое мышление? Нет же! Чтобы гарантировать себе безопасность. Если это повторится... А ты думаешь, оно... повторится?

ЯРОСЛАВ готовится изречь нечто умное. Из-за памятника выбегает ПЕТЯ, что-то стихотворно бормоча.

ПЕТЯ (*ЯРОСЛАВУ, слегка заплетающимся языком*). Опять ты? А ты вообще в курсе, что это – любовь моей жизни? Я люблю ее с 25 ноября 1997 года...

СТАСЯ. Двадцать третьего.

ПЕТЯ. Что?

СТАСЯ. Ты говорил, с двадцать третьего ноября...

ПЕТЯ. Какая разница! Пусть этот твой клерк ковыряется в цифрах! Опять ты с ним!

СТАСЯ. Да просто в библиотеке встретились. А ты уже нализался где-то.

ПЕТЯ. Ну и что! Иди ко мне! *Иди на перекресток моих больших и неуклюжих рук...*

Притягивает ее к себе, целует. ЯРОСЛАВ быстро уходит.

Сцена 10

Пустырь у железной дороги. ПЕТЯ сидит на корточках перед кострищем. Вид у него запущенный, воротник наполовину оторван. Появляется ПРОФЕССОР. Неуклюже плюхается рядом. ПЕТЯ не поворачивает головы. ПРОФЕССОР ковыряет золу, подносит черный палец к глазам.

ПРОФЕССОР. Что жёг?

ПЕТЯ. Стихи.

ПРОФЕССОР. Свои?

ПЕТЯ кивает, по-прежнему не глядя на ПРОФЕССОРА.

ПРОФЕССОР. Я его сразу узнал, этот пепел. Пепел страниц...

ПЕТЯ. А вы что сжигали?

ПРОФЕССОРА передергивает. ПЕТЯ удивленно поднимает голову. Узнает ПРОФЕССОРА, пытается привести себя в порядок. ПРОФЕССОР всей этой суеты не замечает.

ПРОФЕССОР (*с жаром*). Никогда! Это варварство! Жечь книги... лучшее, что есть в людях... Моё первое воспоминание... Дворник во дворе... Огромный, с черной

бородищей... сжигает книги моего отца... Папу увели ночью... книги раскрываются в огне... и когда страница уже стала пеплом, на ней все еще видны слова...

ПЕТЯ. Да! Я тоже их сейчас видел! Эти слова на пепле!

ПРОФЕССОР. Какая может быть жизнь у человека, у которого вот это – первое воспоминание? Какая, я спрашиваю?

ПЕТЯ. Ну-у-у...

ПРОФЕССОР. Мы все жертвы. Потомки жертв. Родители жертв. Бесконечная эстафета. Из поколения в поколение.

ПЕТЯ. Но мы-то тут при чем вообще? Мы тогда не жили.

ПРОФЕССОР. Посмотри на меня! Я - калека! Разве я могу воспитать нормального человека? Я могу только передавать дальше свое увечье!

ПЕТЯ. Неправда! Я... я знаю вашу дочь! Она не такая!

ПРОФЕССОР. Все. Все. поголовно... Вот говорят – страна дураков. А это не так. Хотя дураков большинство, согласен... Но это неважно. Мы – страна жертв.

ПЕТЯ. Ну-у. Не все же сидели.

ПРОФЕССОР. Да. Кто-то и сажал. И они тоже жертвы.

ПЕТЯ. Почему?

ПРОФЕССОР. Эта палка одинаково бьет в обе стороны.

ПЕТЯ. Какая палка?

ПРОФЕССОР. Насилие. Оно убивает и убитого, и убийцу. Одним выстрелом.

ПЕТЯ. Э-э-э...

ПРОФЕССОР. Это элементарно! Чего тут вообще понимать? Что нужно, чтобы осуществить насилие над человеком? А? Я тебя спрашиваю!

ПЕТЯ. Э-э-э... да я как-то не задумывался...

ПРОФЕССОР. Это вам вообще несвойственно – задумываться.

ПЕТЯ. Кому нам?

ПРОФЕССОР. Людям... Ладно. Скажу. Какая мне разница. Я вон воронам в парке уже излагал. Примерно с тем же эффектом... Молчи и слушай! Первое. Чтобы совершить насилие над человеком, надо перестать считать его человеком. Второе. Чтобы перестать видеть в другом человека, надо самому перестать быть человеком. Понял? Нет? А, какая разница...

ПРОФЕССОР судорожно пытается вытащить из кармана пузырек боярышника.

ПРОФЕССОР (*кричит*). Да помощи же! Сидит, глядит...

ПЕТЯ поспешно выуживает боярышник. ПРОФЕССОР выпивает, встает.

ПРОФЕССОР. Прощай, жертва.

ПЕТЯ. Я не жертва!

ПРОФЕССОР. А ты когда-нибудь задаешь себе вопросы: почему это со мной случилось? За что они так со мной? Зачем это в моей жизни?

ПЕТЯ. Э-э-э... Да нет, вроде...

ПРОФЕССОР. Типичные вопросы жертвы.

ПЕТЯ. Да не задаю я их!

ПРОФЕССОР. Типичное лукавство жертвы.

ПЕТЯ. Но вот ваша дочь... она же не такая...

ПРОФЕССОР. Типичная жестокость жертвы.

ПЕТЯ. В смысле?

ПРОФЕССОР. Мне мучительно говорить о ней. А ты раз за разом давишь на самое больное. «Ваша дочь, ваша дочь»...

ПЕТЯ. Я не знал. Правда, не знал.

ПРОФЕССОР (*уходя*). Одно то, что она выбрала тебя... а не кого-то нормального...

ПЕТЯ. Куда вы?

ПРОФЕССОР. Слушать голоса диспетчеров (*уходит*).

ПЕТЯ. Тоска... Как жить, когда не пишешь?.. Почему стихи исчезли?.. За что мне такое?.. Почему она меня бросила? Сидит по своим библиотекам...

Появляется ЯРОСЛАВ, останавливается, брезгливо рассматривает ПЕТЮ.

ЯРОСЛАВ. У тебя такой вид, будто ты живешь на улице.

ПЕТЯ. Так и есть! Ушел из дома. Вылетел из универа. Не помню, когда последний раз ел...

ЯРОСЛАВ. Ясно.

ПЕТЯ (*зло*). Чего пялишься? Все равно она меня любит! А не тебя... Ваше благородие офисный планктон...

ЯРОСЛАВ. Можешь переночевать у меня.

ПЕТЯ. Что????? Почему?..

ЯРОСЛАВ. Сам говоришь, я благородный.

ЯРОСЛАВ уходит. ПЕТЯ нерешительно идет следом.

Сцена 11

Квартира ЯРОСЛАВА. Абсолютно пустая. Голые стены. В углу матрас. ЯРОСЛАВ входит, зажигает свечу на подоконнике. ПЕТЯ, опасливо озираясь, стоит на пороге.

ЯРОСЛАВ. Твоё спальное место (*показывает на матрас*). Устраивает?

ПЕТЯ. Э-э-э... да... спасибо! А как же ты?

ЯРОСЛАВ. лягу на полу. Мне полезно.

ПЕТЯ. Полезно для чего? Для смирения плоти? Для просветления?

ЯРОСЛАВ выходит из комнаты. Возвращается переодетый в чёрную шёлковую пижаму. Вытягивается на полу. ПЕТЯ нерешительно снимает грязное пальто, ставит его в угол. Начинает расшнуровывать берцы, морщится.

ЯРОСЛАВ. В ванной чистая одежда и полотенце.

ПЕТЯ уходит в ванную. ЯРОСЛАВ усаживается в позу лотоса, смотрит на свечку. Потом встаёт на голову. Входит ПЕТЯ в такой же китайской пижаме, которая болтается на нем, как на вешалке. Вздрагивает, увидев ЯРОСЛАВА. Потом с опаской садится на краешек матраса.

ПЕТЯ. Слушай, я всё понимаю... Высокая духовность и всякое такое... Но где же барахло?

ЯРОСЛАВ (*стоя на голове*). У меня лимит. И на вещи. И на вопросы. В моем доме каждый имеет право на один идиотский вопрос. Используешь его сейчас или побережешь на потом?

ПЕТЯ пожимает плечами, ложится, закрывает глаза. Слышно, что в квартире сверху кто-то ходит. Туда-сюда, туда-сюда, как метроном. ПЕТЯ садится.

ПЕТЯ (*раздражённо*). Черт! Кто там всё ходит?

ЯРОСЛАВ (*опускаясь из стойки на голове*). А это, как ни странно, удачный идиотский вопрос. Я отвечу. Там ходит старый палач.

ПЕТЯ. Чего-о-о???

ЯРОСЛАВ. Иннокентий Раевский. Такой чистенький, благообразный старичок. Полгорода на тот свет отправил... А доносы по-прежнему любит писать. На уборщицу. На сантехника. На шумных соседей. Постоянно ходит подписи собирает. Так мы и познакомились.

ПЕТЯ. Я понимаю, что исчерпал свой лимит дурацких вопросов... Но я всё равно ничего не понимаю... Какой еще палач? Он что – головы рубил? Серийный маньяк? Непойманный?

ЯРОСЛАВ. Ладно, про Декабриста отвечу. Моя тема.

ПЕТЯ. Он ещё и декабрист? Ему двести лет что ли?

ЯРОСЛАВ. Это прозвище. Из-за фамилии. Нетрудно догадаться. Головы он не рубил. И даже на курок не жал. Он приговоры подписывал. Решал, кому жить, кому умереть. Впрочем, это так, фигура речи. Оправдательных приговоров у него ноль... И живет себе спокойненько. Персональную пенсию получает. Каким-то теткам из деревни жизнь портит. Это я про уборщиц... Единственное утешение – эти шаги по ночам. Надеюсь, к нему приходят призраки. Должна же быть хоть какая-то справедливость!

Сцена 12

Подъезд. ЯРОСЛАВ стоит у дверей квартиры РАЕВСКОГО с бумагами в руках.

ЯРОСЛАВ (*громко читает*). "Найденов Ярослав Олегович, 1918 года рождения, высшая мера наказания, подпись "следователь Раевский". "Комарова Валентина Александровна, 1919 года рождения, высшая мера, Раевский".

Дверь распахивается. На пороге симпатичный старичок - РАЕВСКИЙ.

РАЕВСКИЙ. А я ведь помню этих ребят! Твои что ли? Помню, помню. Лётчик и его невеста, парашютистка. Красивая пара. А какая история красивая получилась! Заговор лётчиков... Посадить самолёт на трибуну с вождем во время демонстрации! Девчонка-то уже на второй неделе всё подписала. Беременные, они сговорчивые... Да ты заходи. Чайку попьем, у меня хороший.

РАЕВСКИЙ широко распахивает дверь. ЯРОСЛАВ в замешательстве. От растерянности пытается продолжить чтение списка.

ЯРОСЛАВ. "Орлов Иван Степанович, 1908 года рождения, расстрел, Раевский".

РАЕВСКИЙ (*ворчливо*). Да, Раевский, Раевский, кто ж ещё. Давай либо туда, либо сюда, а то куревом тянет.

ЯРОСЛАВ заходит. РАЕВСКИЙ высовывается в подъезд, профессионально оглядывает площадку, захлопывает дверь. Начинает тщательно запирать множество замков.

ЯРОСЛАВ. Не надо запирать!

РАЕВСКИЙ (*уютно посмеиваясь, продолжает запирать замки*). Да ты никак боишься? Такой смелый - и боишься? Меня? Старика?

ЯРОСЛАВ. Это вы боитесь! Зачем вам столько замков?! От призраков не запретесь!

РАЕВСКИЙ. Призраки? А я материалист. Они ко мне не приходят.

ЯРОСЛАВ. А совесть?! Или для материалиста – это тоже призрак?

РАЕВСКИЙ. Зачем пришел? Обсуждать морально-этические вопросы? Не интересуюсь. (*Всматривается в ЯРОСЛАВА*). Ты ведь за другим. Я тебя насквозь вижу.

ЯРОСЛАВ пятится к дверям.

РАЕВСКИЙ. Боишься, очень боишься... Тебе не совесть моя нужна. Не правосудие. Вот вся эта муть, которой ты себя обманываешь... весь этот туман благородный - я сквозь него тебя настоящего вижу.

ЯРОСЛАВ. Да вы... Да я...

РАЕВСКИЙ. Ты хочешь узнать, как я уцелел. Тайну выжившего. За тем и пришел.

ЯРОСЛАВ (*невольно*). И как же?

РАЕВСКИЙ. А с какой стати мне рассказывать? Чем заплатишь?

ЯРОСЛАВ начинает судорожно отпирать замки. РАЕВСКИЙ подходит почти вплотную.

РАЕВСКИЙ (*вкрадчиво*). Я могу сказать... Мне не жалко...

ЯРОСЛАВ ещё судорожнее дёргает замки.

РАЕВСКИЙ. Ты ведь как я. Не веришь, что все это навсегда кончилось. Вот и хочешь соломки подстелить. На всякий случай. Я не осуждаю. Это нормально. Хотеть выжить. Ты давай. Определяйся. На чьей ты стороне. А потом приходи. Всему научу... Мне не жалко...

ЯРОСЛАВ вырывается из квартиры и скатывается вниз по лестнице.

РАЕВСКИЙ (*ласково*). Тихо, тихо, не убейся. А то будет жаль. Такой перспективный юноша...

У памятника Ленину. СТАСЯ идёт очень медленно. Навстречу бежит ПЕТЯ. Сталкивается с ней нос к носу.

ПЕТЯ (*светски*). Привет-привет! Куда в такую рань?

СТАСЯ (*бесцветно*). В библиотеку.

ПЕТЯ. Да сколько можно, Стась, а? Тоска-то какая! Библиотека да библиотека. Я поэт! Мне жизнь нужна, воздух! А не бумажки пыльные перекаладывать... Кстати, этот твой Ярослав - полный псих. На голове стоит. И сказки про палачей рассказывает. Что ты вообще в нем нашла?

СТАСЯ (*бесцветно*). Придешь на похороны?

ПЕТЯ. На его? С радостью!

СТАСЯ. Папа умер. Завтра в десять на кладбище... (*закрывает лицо руками*).

ПЕТЯ растерянно топчется вокруг СТАСИ, поднимает руки, чтобы обнять, но тут же опускает.

ПЕТЯ. Нет... не могу. Нет-нет-нет. Я живой. Я жить хочу. Не могу больше со всем этим... Нет!

ПЕТЯ убегает, а СТАСЯ так и стоит, закрыв лицо.

Конец 1 акта

АКТ 2

Сцена 1

Пустырь у железной дороги. ПЕТЯ сидит перед потухшим костром. Подходит ПРОФЕССОР, садится рядом. ПЕТЯ не обращает внимания.

ПРОФЕССОР. Опять стихи жёг, юный варвар?

ПЕТЯ. Не. Просто грелся. А стихов у меня больше нет.

ПРОФЕССОР. Всё сжёг?

ПЕТЯ. И никогда не будет. Они не вернутся. А что я без них? Ими всё оправдывалось. А теперь - как жить?

ПРОФЕССОР пожимает плечами.

ПЕТЯ. Постойте, вы же умерли?

ПРОФЕССОР (*морщится*). Ну, умер. Но вообще-то – это бестактность.

ПЕТЯ. Так что же вы здесь делаете?

ПРОФЕССОР (*пожимая плечами*). Сижу.

ПЕТЯ. Я сошел с ума?

ПРОФЕССОР. Твоими темпами и до этого недалеко. Но сейчас ты просто спишь. Пьяный, разумеется.

ПЕТЯ. Ага... Так значит... вас можно спросить...
ПРОФЕССОР (*скучающим тоном*). Спросить, конечно, можно. А толку-то. "Совсем не так, как вы представляете". Это единственное, что нам дозволено отвечать. Так что лучше о чем-нибудь другом спрашивай.
ПЕТЯ (*не задумываясь*). Почему стихи больше не приходят?
ПРОФЕССОР. Потому что ты боишься.
ПЕТЯ. Чего?!
ПРОФЕССОР. Да всего. Отношений. Сложностей. Оценок. Взросления. Боли. Совесть. Прошлого. Настоящего. Будущего. Жизни. Смерти.
ПЕТЯ. Неправда!
ПРОФЕССОР. Правды. Разоблачения. Наказания. Одиночества. Молчания. Разговоров. Себя. Других.
ПЕТЯ. Это вы про себя рассказываете! Не про меня!
ПРОФЕССОР. Из таких, как ты, и получаются такие, как я.
ПЕТЯ (*кричит*). Нееееет! Нет, нет, нет, не хочу!!!

Сцена 2

ПЕТЯ бежит, спотыкаясь. Навстречу деловым шагом идёт ЯРОСЛАВ, читая на ходу какие-то бумаги. ПЕТЯ врывается в него. Бумаги разлетаются. Лицо ЯРОСЛАВА перекашивается. Не говоря ни слова, он начинает собирать бумажки. ПЕТЯ неловко помогает.

ПЕТЯ. Прости, не заметил... Я малость... не в себе... Заснул сейчас... Прямо там, на пустыре... И такой сон гадкий... Мертвец... учил жизни... Ты живешь что ли рядом? Опять тебя тут встречаю...

ЯРОСЛАВ. Ты у меня ночевал даже. Память отшибло?

ПЕТЯ. Ах, точно! Старый палач не спит по ночам... Как он там поживает?

ЯРОСЛАВ. Поживает ещё.

ПЕТЯ. Не пошёл по Руси босой замаливать грехи?

ЯРОСЛАВ. Не пошёл. Ещё вопросы имеются? Я тороплюсь.

ПЕТЯ. Э, да... Есть вопрос... В тот раз... Ты проявил...

ЯРОСЛАВ. Нет!

ПЕТЯ. Чего нет?

ЯРОСЛАВ. Нет, нельзя. У меня не ночлежка.

ПЕТЯ. Ну это... хотя бы помыться... я скитаюсь... в тот раз...

ЯРОСЛАВ. В тот раз мне нужно было.

ПЕТЯ. Чего нужно? Твоего заслуженного палача мне представить?

ЯРОСЛАВ. На тебя посмотреть. И я насмотрелся.

ПЕТЯ. Зачем на меня смотреть?

ЯРОСЛАВ. Мне пора.

ПЕТЯ хватает ЯРОСЛАВА за локоть, тот брезгливо высвобождается.

ПЕТЯ. Стой! Ты не можешь просто так взять и уйти!

ЯРОСЛАВ. Могу.

ПЕТЯ. Ваше благородие, подайте копеечку старому солдату...

ЯРОСЛАВ. Ты не старый. Сам свою копеечку заработать можешь.

ПЕТЯ. Но как? Где? Посоветуй! Ты же такой умный, по библиотекам штаны просиживаешь... А-а-а, дошло, зачем ты на меня «посмотреть» хотел! Из-за неё, да? Понять, кого это она любит, да?

ЯРОСЛАВ. Тебе денег дать, чтоб заткнулся?

ПЕТЯ. Да!

ЯРОСЛАВ. Не дам! Но могу подкинуть подработку.

ПЕТЯ. Объявления клеить? Рекламным столбом стоять?

ЯРОСЛАВ. Писать.

ПЕТЯ. Писать?! Что?!

ЯРОСЛАВ. Книгу.

ПЕТЯ. Серьёзно?! Какую? О чём? Стихи я все сжёг, правда...

ЯРОСЛАВ. Можно прозой. Книга заказная. К юбилею Автозавода.

ПЕТЯ (*разочарованно*). А-а-а... Понятно...

ЯРОСЛАВ. Так берёшь или дальше попрошайничать пойдёшь?

ПЕТЯ с несчастным видом кивает.

ПЕТЯ. Чего писать-то?

ЯРОСЛАВ. Ничего сложного. Немного истории, им сто лет. Рабочие династии. Интервью с директором. Линейки продукции. Я такие книжки за неделю писал. Чтоб на аренду наскребать.

ПЕТЯ. А чего же бросил?

ЯРОСЛАВ. Необходимость отпала.

ПЕТЯ. Почему?

ЯРОСЛАВ. Так тебе нужна подработка?

ПЕТЯ. Нужна, нужна. А деньги?

ЯРОСЛАВ. Когда закончишь.

ПЕТЯ. Слушай, я голодный. Может, какой-нибудь аванс...

ЯРОСЛАВ. Голодный поэт. Это нормально... Оплата только по факту. На, держи. Тут материалы (*суёт ПЕТЕ папку*).

ЯРОСЛАВ уходит. ПЕТЯ открывает папку. Кривится.

ПЕТЯ. «Автопробег 1936 года»... С ума сойти! Как интересно! Это что же, в библиотеку переться? (*лицо ПЕТИ светлеет*) А может, встречу её? Я, конечно, вёл себя, как подонок... на похороны не пришёл... ну и ладно! Хотя бы денег стрельну!

ПЕТЯ решительно суёт папку под мышку, уходит, подражая деловой походке ЯРОСЛАВА.

Сцена 3

Библиотека. За столом, подперев голову, сидит СТАСЯ. Входит ПЕТЯ с подшивками газет. Тут же откуда-то материализуется ЯРОСЛАВ, подходит к столу СТАСИ, заслоняя от неё ПЕТЮ. ПЕТЯ сваливает подшивки на дальний стол.

СТАСЯ (*рассеянно*). Что? Прости, я задумалась...

ЯРОСЛАВ. Я спрашиваю: у твоих тоже прокурор Раевский?

СТАСЯ. А... не... Какая-то другая фамилия, обычная...

ЯРОСЛАВ. Не помнишь?! Такие вещи надо знать. Возможно, он ещё жив...

СТАСЯ. И что?

ЯРОСЛАВ. Как что?! Человек, убивший твоих близких, преступник – ещё жив и на свободе.

СТАСЯ. И что? Столько лет прошло...

ЯРОСЛАВ. Преступление не имеет срока давности!

СТАСЯ. Да эти твои любимые палачи, если ещё живы, уже давным-давно в старческом маразме... Кашку с ложечки едят...

ЯРОСЛАВ. Некоторые ещё вполне в здравом уме. К тому же есть дети, внуки...

СТАСЯ. Они-то тут причем?!

ЯРОСЛАВ (*по-хозяйски роется в бумагах на столе СТАСИ*). И все-таки посмотри фамилию следователя. Мы же делали фотокопию протокола...

СТАСЯ. Не хочу! Зачем?

ЯРОСЛАВ. Антонов. Вот тут написано: следователь Антонов.

СТАСЯ. Поздравляю. Тебе полегчало? Как там теперь дела у справедливости?

ЯРОСЛАВ медленно опускается на стул рядом со СТАСЕЙ.

ЯРОСЛАВ. Та-ак... Напомни, пожалуйста... твой поэт – он ведь, кажется, тоже Антонов?

СТАСЯ. Распространённая фамилия.

ЯРОСЛАВ. Да-да-да. Да... А ты знакома с его родными?

СТАСЯ. На что ты намекаешь? Антоновых – миллионы!

ЯРОСЛАВ. Тихо, тихо. Конечно, миллионы. И такое совпадение... И всё-таки... что ты знаешь о его деде и бабушке по отцовской линии?

СТАСЯ. Да ничего я не знаю! Он не такой человек, чтобы на свиданиях обсуждать свою родословную.

ЯРОСЛАВ. Разумеется. Он поэт. У поэтов нет родственников. Родственники – это слишком прозаично. Это как суп на обед.

СТАСЯ. За что ты его так ненавидишь?

ЯРОСЛАВ. А ты как думаешь?

СТАСЯ. Знаешь, Ярослав, мне иногда с тобой рядом... как на допросе.

ЯРОСЛАВ (*тихо*). Зато ты первый раз назвала меня по имени...

СТАСЯ. Что?

ЯРОСЛАВ. Я говорю, ты всё-таки вспомни. Может, по пьяни рассказывал...

СТАСЯ опять делает движение, чтобы уйти, но потом сама опускается обратно.

СТАСЯ (*задумчиво*). Как-то там все друг друга ненавидели... Не разговаривали годами... Я ещё подумала, может, это потому, что они оба детдомовские. И дед, и бабушка...

ЯРОСЛАВ резко хлопает по столу, будто поймал муху. СТАСЯ вздрагивает. ПЕТЯ смотрит на СТАСЮ и ЯРОСЛАВА долгим тяжёлым взглядом.

ЯРОСЛАВ. Значит, так. Завтра приходишь к нам в офис. Мы теперь в Думе сидим. Пробьём твоего Антонова по базам. Скорее всего – пустили в расход. А детей, если были, в детдом... Как деда-то звали, знаешь?

СТАСЯ (*вскакивая*). Ты... ты... скользкий и... страшный... как... крокодил!

СТАСЯ убегает. ПЕТЯ ухмыляется. ЯРОСЛАВ поворачивается к нему.

ЯРОСЛАВ. Чего такой довольный? Книжку дописал?

ПЕТЯ. Не начинал даже.

ЯРОСЛАВ. Продинамишь срок, будешь платить неустойку. Им к юбилею надо, по судам затаскают.

ПЕТЯ. Да мне вся эта муть вообще в голову не лезет. Покрышки какие-то... Двигатели...

ЯРОСЛАВ. Конечно. Просто запахло растрчивать свой талант на такую фигню... Ты это директору потом объяснять будешь. Он у них крутой. Бандит. Бывший.

ПЕТЯ. Да я чего?! Я же не говорю, что я гений и всё такое... Я даже сам уже так не думаю... Я просто не понимаю, о чём тут писать? Ну, автопробег...

ЯРОСЛАВ (*вставая*). Ладно, оставляю тебя в сладких творческих муках.

ПЕТЯ. Ну, посоветуй что-нибудь! Ты же такие книжки за неделю делал!

ЯРОСЛАВ. (*открывает подшивку, лежащую перед ПЕТЕЙ*). 36-й год?

ПЕТЯ. Ну. Читал про автопробег этот. Тоска. Удавиться можно.

ЯРОСЛАВ. 36-й год! Чего тут вообще думать?! Ищешь участников пробега в Книге Памяти – и готово! И драматизм, и сюжет.

ПЕТЯ. В какой книге?

ЯРОСЛАВ. Библиотекари в курсе.

ЯРОСЛАВ уходит. ПЕТЯ хватается за голову.

Сцена 4

Библиотека. Вечер. У ПЕТИ на столе горит неуютная лампа. На краю лежит стопка одинаковых книг в красных переплётках.

ПЕТЯ (*яростно что-то пишет*). Если этот любитель старых палачей... и чужих девушек... думает, что я буду это читать... даже открывать не хочу... то же мне совет...

ПЕТЯ перечитывает написанное. И наотмашь перечёркивает. От резкого движения книги падают на пол. Одна из них раскрывается. ПЕТЯ поднимает её.

ПЕТЯ (*читает*). "Русский, безграмотный, конюх. Батрак, начальник, пастух. Цыган, землекоп, парикмахер. Ткач, надзиратель, студент"... звучит как стихи... если бы я не перестал быть поэтом... (*вздыхает*)

ПЕТЯ собирает книги, листает.

ПЕТЯ. Ладно... Мирецкий Александр... командор пробега... расстрел... место смерти Селиваново... ну и название... Емельянов Матвей... высшая мера... так, стоп. Опять деревня Селиваново. У них там загородный офис что ли? Комаров Архип... расстрел... Селиваново... а дата смерти, ну-ка... у всех 5 октября... какая солидарность... Левин Самуил... Селиваново! Кто остается?.. Единственная девушка... политрук Римма Барр... 10 лет трудовых лагерей... а говорят равноправие... но как же это странно... автопробег мертвецов...

Появляется ЯРОСЛАВ. Собирает книги со своего стола.

ЯРОСЛАВ. Собираешься тут ночевать, дервиш? Сейчас охранник совершит обход и включит сигнализацию.

ПЕТЯ. Слушай! Тут такое дело. У всех этих парней с автопробега – место смерти какая-то деревня Селиваново. Это что? Почему там?

ЯРОСЛАВ подходит, листает ПЕТИНЫ записи. ПЕТЯ смотрит на него, как ребёнок, ожидающий похвалы.

ПЕТЯ. Ну? Я совершил научное открытие? Мне дадут премию? Что за деревня такая?

ЯРОСЛАВ (*равнодушно*). К брошюре про автозавод это не имеет никакого отношения.

ПЕТЯ собирает книги, плетётся к выходу. ЯРОСЛАВ идёт сзади, сверля его ненавидящим взглядом. ПЕТЯ останавливается, пропуская ЯРОСЛАВА вперед.

ПЕТЯ. Не могу, когда ты сзади. Так и жду, что выстрелишь в затылок.

ЯРОСЛАВ (*пожимая плечами*). Проекции.

Сцена 5

Новый офис "Мемориала". В стиле всех думских кабинетов. Вдоль стены - ряд стульев. На них развалился расхристаный МАЙ с беломором в зубах. ЯРОСЛАВ, с прямой спиной, сидит за компьютером. АННА сидит в ногах МАЯ, плетя косы.

ЯРОСЛАВ (*очень вежливо*). Непотребно выглядите. Шли бы домой. Что если зайдет кто?

МАЙ (*благодарно*). Зануда. Такой чистенький... что хочется взять...

ЯРОСЛАВ. Ой, только не надо этих ваших агрессивных фантазий. Надоело.

МАЙ ...взять и вытряхнуть тебе за шиворот пепельницу. Испачкать слеганца. Чтоб на человека стал похож.

ЯРОСЛАВ. Идите домой уже, а? Работать мешаете!

МАЙ (*сядась*). Ты, падла, откуда меня выгоняешь? Я своими руками... Я тут всё собрал...

ЯРОСЛАВ. Ладно, ладно, никто ваших заслуг не оспаривает...

МАЙ (*орет*). Ты, ядрёна вошь, не зарывайся! Я тут начальник или кто?!

ЯРОСЛАВ. Вы, вы, уймитесь.

Дверь открывается, на пороге нерешительно останавливается СТАСЯ. ЯРОСЛАВ вскакивает, роняя стул. МАЙ, ухмыльнувшись, снова растягивается на стульях.

МАЙ. Прилечь охота. Жизнь штука трудная. Требуется отдых.

СТАСЯ. Я, пожалуй, в другой раз...

ЯРОСЛАВ. Нет-нет, заходи! Я нашел для тебя кое-что. Проходи, не обращай внимания. Он всегда так.

МАЙ. Да-да, не обращай внимания. Я тут полежу. Как резиновый коврик.

СТАСЯ. Почему резиновый?

МАЙ. А на них грязи особенно много.

ЯРОСЛАВ (*оттесняя СТАСЮ к компьютеру*). Вот смотри, следователь Антонов, Иван Антонович. Жена: Антонова, Анна Ильинична, второй секретарь обкома комсомола...

МАЙ. Красивая баба!

ЯРОСЛАВ в бешенстве оборачивается к МАЮ.

МАЙ. Не напрягайся так, парень. Я про Анку-комсомолку. А не про твою. Хотя твоя тоже ничего. Только уж больно тощая. Вот Анка фигуристая была (*показывает руками*). Косы такие тяжёлые...Я даже фотку у себя над столом прицепил... для вдохновения... Всех, конечно, не пережалеешь. Но баб. Красивых, наливных... СТАСЯ (*присаживаясь к МАЮ на стулья*). Моя мать тоже говорит, что красивых особенно жалко.

МАЙ (*берет руку СТАСИ, целует и кладет себе на глаза*). Конечно. Красивые созданы для счастья. Как птицы для полёта. А на деле что? Ты вот, к примеру, счастлива?

СТАСЯ. Нет.

МАЙ. Вот.

ЯРОСЛАВ (*с тихим бешенством*). Пойдём, я ещё не всё тебе показал.

МАЙ. Валяй, читай. Я тоже послушаю. Может, подскажу чего. Я же тут не просто так валяюсь.

ЯРОСЛАВ. Ничего особенного. Двое детей у него было. Василий, 1930 года рождения. И Анна, 1935-го...

МАЙ. И отправили их прямиком в Первомай...

СТАСЯ. Куда?

МАЙ. Детский дом имени 1 мая. Элитный. Для детей всяких шишек. В том числе сотрудников НКВД... Это ты про своих выясняешь?

СТАСЯ. Нет-нет!

ЯРОСЛАВ. Про родственников своего... жениха.

СТАСЯ (*вскакивая*). Он мне не жених! И они ему не родственники! Просто однофамильцы!

ЯРОСЛАВ. Но дед-то – детдомовец! Осталось выяснить, какой детдом... Как его звали? Василий? Как у отца твоего поэта отчество?

СТАСЯ. Мне пора.

МАЙ (*хватает СТАСЮ за руку, усаживает обратно*). Скользкий тип, согласишься? Вот, вроде, весь правильный такой, не подкопаешься...

ЯРОСЛАВ. Не забывайтесь!

МАЙ. ...а душно с ним рядом! Не пойми с чего. Офис еще этот лядский...

ЯРОСЛАВ. Офис-то вам чем не угодил?!

МАЙ. А с какого перепугу вдруг такой фарт? Знаю, знаю (*машет на ЯРОСЛАВА рукой*). Не надо ещё раз эту твою гладкую историю тискать. Не верю я тебе. Ни единому слову. Мутно это всё. И будто в говне по уши. А так посмотреть - всё шито-крыто... Нехорошо как-то. Вот тут нехорошо (*кладет руку СТАСИ себе на грудь*).

ЯРОСЛАВ. Конечно. Столько курить.

МАЙ. Душно. Дела хочется. Большого. Честного. Без всего вот этого (*обводит рукой кабинет*). В поле работать. Кости копать... Анку искать...

ЯРОСЛАВ. Ну, предположим, есть такое дело.

МАЙ. Да ну! Чего ни хватись, ты тут же вытаскиваешь. Как зайца из цилиндра. Фокусник щучий.

ЯРОСЛАВ. Да вы послушайте! Желательно, не перебивая.

МАЙ. Давай, давай. Я весь превратился в одно волосатое ухо.

ЯРОСЛАВ. Деревня Селиваново. Ничего вам не говорит?

МАЙ. Ну? Чего там у тебя в этой деревне? Банька с девками? Бабка с самогоном?

ЯРОСЛАВ. Расстрельный полигон. Судя по всему.

МАЙ резко садится.

МАЙ. Факты?

ЯРОСЛАВ. Разумеется. Я собирал материалы про автопробег 36 года. И обнаружил, что все участники похоронены в Селиваново. Потом Антоновых этих искал - они тоже там... Почти три сотни человек...

МАЙ. Стоп. Про Анку откуда информация? Её не было нигде. Откуда?

ЯРОСЛАВ *(нехотя)*. Новые данные...

МАЙ. Откуда?! Почему я не знаю?! Я ее много лет ищу! Не было о ней ничего! «Место захоронения неизвестно». Откуда?! *(хватает ЯРОСЛАВА за грудки)*

ЯРОСЛАВ *(отталкивая МАЮ)*. Держите себя в руках! С новых документов сняли гриф. Пока вы в запое были.

МАЙ. Враньё. Со всем, что в запой пропустил, я уже ознакомился. Это ты на днях нарыл. Чтобы кралю эту закадрить. А где нарыл? Можешь не отвечать. Только в одном месте это могло быть. Там, куда меня так и не пустили. В архивах одной конторы.

ЯРОСЛАВ. Везде вам эта контора мерещится.

МАЙ. Как тебе удалось туда пролезть?

ЯРОСЛАВ. Связи...

МАЙ. Связи там могут быть только рабочие. Что ты им пообещал взамен? Стучать на меня?

ЯРОСЛАВ. Кому это нужно?! Вы на виду у всего города под забором валяетесь!

МАЙ. Свой глаз всегда согдится. Вот зарвусь я слишком, наступлю на хвост какой-нибудь верховной щуке, раскопаю что-нить невыгодное... а тут ты с компроматом...

ЯРОСЛАВ. Май Александрович! Я вас бесконечно уважаю, но за такое могу и ударить! Мы с вами столько лет работаем! И я, кажется, не давал...

МАЙ. Да ты только и делаешь, что даешь!

ЯРОСЛАВ *(СТАСЕ)*. Пойдем, я тебя провожу. Не обращай внимания. Обычная история. Посттравматический синдром.

МАЙ. Никуда ты не пойдёшь! Мы едем в Селиваново. Сейчас же!

ЯРОСЛАВ. Туда транспорт не ходит. Надо машину заказывать.

МАЙ. Заказывай!

ЯРОСЛАВ. Вернусь и позвоню.

МАЙ. Сейчас!

ЯРОСЛАВ. Вот сами и звоните, если у вас горит.

СТАСЯ. Ладно, я пойду.

МАЙ *(хватая ее за руку)*. Поедем с нами? А? Ты удачу приносишь. У меня на эти дела чутьё. Поедешь?

СТАСЯ. Да.

МАЙ. Вот это я понимаю. Наш человек. Без соплежуйства.

ЯРОСЛАВ *(решительно берет СТАСЮ под локоть)*. Пойдем, прогуляемся.

МАЙ. Гондоны не забудь!

ЯРОСЛАВ И СТАСЯ уходят. МАЙ, продолжая метаться по кабинету, судорожно прикуривает. И обнаруживает, что во рту уже есть папироса.

МАЙ. ААААА. Как заломало-то сразу. Но нет. Нельзя сейчас. А то спугну. Надо осторожно. Аккуратненько... *(начинает метаться совсем уж в безумном темпе)*. Нееееееет, не могу! Взорвусь так. Ладно. Одну. Строго одну. Без свинства. Для психического здоровья *(вылетает из кабинета)*.

Сцена 6

Памятник Ленину. Подходят СТАСЯ и ЯРОСЛАВ.

ЯРОСЛАВ *(громко)*... преступление не должно остаться без наказания! Об этом нельзя молчать! Нельзя забывать! Вот твоя родственница погибла во время следствия... Знаешь, какие методы использовали на допросах...

СТАСЯ. Не надо!

ЯРОСЛАВ. Я тебе только один пример дам...

СТАСЯ *(затыкает уши)*. Нет!!!

ЯРОСЛАВ. Вот все так! Все затыкают уши! Если я ничего не знаю, значит, ничего и не было...

СТАСЯ. Пришли. Моя остановка. Дальше провожать – не надо!

ЯРОСЛАВ. До завтра. Я позвоню. Давай мы заедем за тобой, чтобы тебе не трястись в этих ужасных автобусах.

СТАСЯ. Всю жизнь тряслась. Не развалюсь. Я к вам в офис приеду.

ЯРОСЛАВ. Как хочешь... *(молча смотрит на СТАСЮ)*

СТАСЯ *(нервно)*. Что?

ЯРОСЛАВ быстро, как ныряют в прорубь, наклоняется и целует СТАСЮ в висок. СТАСЯ отшатывается. ЯРОСЛАВ стремительно уходит. Но завернув за памятник, где она уже не может его видеть, без сил сползает спиной по пьедесталу. Вытаскивает из кармана «Беломор». С отвращением закуривает.

ЯРОСЛАВ *(сплёвывая)*. Тьфу, как можно это курить? Но хорошо. Идеально подходит к моему состоянию.

ЯРОСЛАВ, выглянув из-за пьедестала, смотрит на СТАСЮ. Та, ожидая автобуса, прыгает по классикам, нарисованным на асфальте.

ЯРОСЛАВ. Всё время хочется смотреть на неё. Смотришь – и кажется, будто в мире нет беззакония, насилия... пыток, эпидемий... подлости, тупости... А потом отворачиваешься – и всё это на тебя обрушивается с удвоенной силой. И спасение только одно – снова на неё посмотреть. И с каждым разом всё тяжелее возвращаться в реальность.

СТАСЯ *(в ритме прыжков)*. Вася. Антонов. Один. Из миллионов. Вася. Антонов. Один. Из миллионов.

Появляется ПЕТЯ. СТАСЯ его не видит. ПЕТЯ встаёт в конце клеток, там, где написано «РАЙ». СТАСЯ врзается в него. Он подхватывает её и прижимает к себе.

ПЕТЯ. Я – Пётр, страж райских врат. Имеешь ли пропуск в рай, грешная душа?

СТАСЯ. Нет.

ПЕТЯ. Ну зачем же так серьезно? Я ведь просто пошутил. Пошутил, понимаешь? Ты раньше была такой лёгкой. Как пух одуванчика...

СТАСЯ. Пока, Петь. Вон мой автобус.

ПЕТЯ. Подожди! Дело есть. Я быстро. Короче, у меня к тебе романтическое предложение. Пойдём завтра на похороны? Ты ведь меня тоже приглашала. Помнишь?

СТАСЯ. Только ты не пришёл.

ПЕТЯ. Ну да... Я просто не выношу всё это... Пожалуйста, сходи со мной, а? Я один помру с тоски... Приползёт куча старичья. Начнут вспоминать свой дебильный детдом. Как у деда Василия на поминках. Я тогда чуть занавеской не удавился с тоски. Спаси меня, Стась, а? Они там, когда клюкнут, тоже любят про расстрелы поговорить. *«Как забрали папу, а потом забрали маму, и разбили при обыске любимую фарфоровую кошечку»...*

СТАСЯ. А кто умер?

ПЕТЯ. Бабка. Злючая была, как тысяча чертей. Вот они ей сейчас рады, наверное. Встречают с транспарантами.

СТАСЯ. Я приду.

ПЕТЯ. Отлично! Спасибо тебе! Ну, тогда до завтра! Или это... подождать с тобой автобуса? Ты же из-за меня пропустила... Слушай, кстати, тут со мной на днях случилась история! Читал я эти ваши «Книги памяти». Прикинь, до чего докатился! Нашёл шабашку. Чтоб с голода не помереть. Тоска страшная. Книжка про автозавод. И вот там какой-то тухлый автопробег 36 года. Ну, я и решил пробить участников по этим вашим спискам (*СТАСЯ начинает слушать очень внимательно, ЯРОСЛАВ за памятником тоже*). И, прикинь, все эти люди, кроме тётки-политрука, расстреляны у какой-то деревни Селиваново. Странно, правда?

ЯРОСЛАВ быстро выходит из-за памятника и подходит к ПЕТЕ и СТАСЕ.

ЯРОСЛАВ (*ПЕТЕ*). О, привет, как удачно, что я тебя встретил. Мы завтра собираемся в экспедицию в это твоё Селиваново. Похоже, там, действительно, что-то серьёзное. Если хочешь, присоединяйся?

СТАСЯ. Постой! А почему ты... сейчас в офисе говорил...

ЯРОСЛАВ. Да, я понимаю, как это выглядит. Но я объясню. Дело в том, что Май Саныч параноик. Все незнакомые люди у него агенты и шпионы. Если бы я сказал, что кто-то обнаружил такую информацию, то он бы ещё полгода возбуждал, что это «гэбэшная подстава»... сама слышала, как он меня сейчас в стукачи записывал, хотя мы с ним миллион лет знакомы... (*ПЕТЕ*) Так ты поедешь?

ПЕТЯ. Э-э-э... Не сказать, что это моё любимое занятие... К тому же завтра мы идём на похороны.

ЯРОСЛАВ (*хищно*). Чьи?

СТАСЯ. Неважно!

ПЕТЯ (*беззаботно*). Бабки моей.

ЯРОСЛАВ. По отцу?

ПЕТЯ. Ну да. А какое...

ЯРОСЛАВ. Где? Когда?

ПЕТЯ. В 12, кажется. На Осташинском.

ЯРОСЛАВ. Ясно. Тогда в Селиваново послезавтра. Идёт?

ПЕТЯ. Да не хочу я никуда! Мне ещё эту книжку про завод писать.

ЯРОСЛАВ (*СТАСЕ*). Ты идёшь на похороны? Отлично. Там можно всё выяснить.

ПЕТЯ (*начиная нервничать*). Что выяснить?

СТАСЯ (*пристально глядя на ЯРОСЛАВА*). Ни-че-го.

ЯРОСЛАВ (*пристально глядя на СТАСЮ*). Тогда в Селиваново послезавтра.

ПЕТЯ. Эй, постой. Так вы вместе в эту деревню намылились? ... Ах, ну да, *общие интересы*. (*ЯРОСЛАВУ*) Я тебе уже говорил. Это моя девушка. И она никуда с тобой не поедет!

ЯРОСЛАВ. Ты говоришь про человека, как... про мешок картошки. *Моё. Не дам*. Никогда не задумывался, что она сама решает? Куда и с кем ехать. (*СТАСЕ, нежно*). Так мы ждём тебя послезавтра?

СТАСЯ. Да.

ПЕТЯ. Что?! Ну уж нет! Тогда и я с вами! Слышите?! И не надейтесь от меня отвязаться!

Шум подъезжающего автобуса. СТАСЯ убегает, не прощаясь. ЯРОСЛАВ и ПЕТЯ, стоя плечом к плечу, провожают её глазами. Потом, спохватившись, отскакивают друг от друга. И расходятся в разные стороны.

Сцена 7

Зал поминальных трапез. Длинный стол, покрытый клеенкой, пластиковые стулья, пластиковые стаканчики, бутылки. В углу стола - портрет старухи с черной лентой и куском черного хлеба на стакане. Гостей не видно, но слышно. СТАСЯ и ПЕТЯ сидят во главе стола, словно возглавляя это призрачное застолье. ПЕТЯ наливает себе под столом и судорожно выпивает. СТАСЯ смотрит перед собой остановившимся взглядом.

ПЕТЯ. Я думал, будет легче, если вдвоем. Там на кладбище ещё ничего было. Только с отцом посрались. Прямо над могилой.

ГОЛОС ОТЦА. Да что сын? Его все равно что нет, этого сына. Стыд один.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван!

ГОЛОС ОТЦА. Да я вообще лучше молчать буду! Отец всю жизнь молчал. И правильно делал.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Помянем Капитолину, Капку нашу помянем! Царствие небесное!

ГОЛОС ОТЦА. Нет никакого царствия! Ничего нет! Червяки только!

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван!

ПЕТЯ. Я думал, вдвоем легче будет. Но нет. Едва началась эта стариковская попойка, она так напряглась... Только хуже стало. Лучше бы я один надрался.

СТАСЯ. Как только мы сели за стол, я это услышала. Я не хотела! Но ведь я сюда за этим и пришла. Зачем же ещё.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. А теперь выпьем за наш любимый детдом имени 1 мая... Наш второй дом... Путевка в жизнь... Одна семья...

СТАСЯ. После этого можно было и уходить. Но я подумала, а вдруг там было два Васи Антонова? В этом детдоме. Ну, их ведь миллионы, этих Васей, этих Антоновых. Думала, вдруг кто-то скажет. Или сама спрошу.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. А помните, как мы Ваську звали? Оборотень. Он всё в лес сбегал, помните? Директор обещал на цепь посадить...

ПЕТЯ. Мне стало казаться, что все вокруг мертвые. И старичье это бухое. И родители. И даже она. Точнее она - в первую очередь. Сидит такая белая, застывшая.

Персефона. Царевна подземного мира...

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. А помните, как Капку привезли? Глазёнки круглые и две косички... мышинные хвостики... А Васька-оборотень ка-ак прыг к ней... Думали, съест! А он нянчиться стал. Косички эти заплетал тощие...

Появляется АННА с куклой на руках, садится к столу. Расчесывает кукле волосы, заплетает косички.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. У него ведь сестрёнка была младшая, Нютка, кажется... Их вместе привезли, помните... Он ей тоже всё косы плёл... Только недолго она прожила... Той же зимой умерла... От коклюша, кажется... Да нет, от тоски...

Появляется АНТОНОВ, тяжело садится за стол. Выпивает. За ним входит ИЯ. Встаёт у него за спиной, жадными глазами глядя на стол. АНТОНОВ коротким кивком разрешает ей сесть. ИЯ набрасывается на неаппетитную еду.

ГОЛОС ОТЦА. Ни отца у меня нет, ни матери. И не было никогда. И сына нет. Никого. Один я.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван! Вот у нас, действительно, никого не было. Только мы. Мы потом и переженились все между собой, детдомовские... Васька на Капке... Оська на Тоньке... Колька на Ольке... *(начинает звучать "Puо Рита" или ещё какая-нибудь мелодия тех лет)*... А помните выпускной, танцы... Все там и сговорились... Чтобы не терять друг друга... Васька-то к Капке несколько лет не подходил, как она косы обрезала... Она и думать о нем забыла... Ей Костя Барр нравился... А на выпускном Васька ее опять цап за руку... И уволок... Она и пикнуть не успела... *(мелодия становится громче)*

ИЯ и АНТОНОВ танцуют вальс. АННА кружится с куклой.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. А всё-таки хорошо было... Давайте выпьем! За наш замечательный детдом имени Первого мая! За наше счастливое детство!

СТАСЯ поднимает голову и видит стоящего в дверях ЯРОСЛАВА. Бросает быстрый взгляд на

ПЕТЮ. Тот спит, уронив голову на стол. СТАСЯ идёт к ЯРОСЛАВУ. ПЕТЯ поднимает голову и мутными глазами смотрит ей вслед, потом снова падает на стол. Мелодия становится тише. ИЯ и АНТОНОВ продолжают танцевать. АННА садится к столу, баюкая куклу.

СТАСЯ. Я так понимаю, ты всё слышал?

ЯРОСЛАВ. Расскажешь ему?

СТАСЯ. Нет!

ЯРОСЛАВ (*зло*). Конечно, зачем тревожить бедного поэта...

СТАСЯ. Даже не думай! Не смей!

ЯРОСЛАВ. Ты не можешь мне запретить.

СТАСЯ смотрит на него с ненавистью. ПЕТЯ поднимает голову, голова снова падает, он подставляет под лоб шатающуюся руку.

ПЕТЯ. Я смотрел на них и понимал... что-то такое между ними происходит... А я ничего не могу сделать... Не потому, что надрался и не могу встать... А просто не могу... Потому что это что-то большое, а я маленький... Я просто не могу туда, где они...

АННА подходит к ПЕТЕ, гладит по голове. ПЕТЯ плачет, прижавшись к ней.

ЯРОСЛАВ. Я могу сказать. А могу и не сказать. Например, если ты... будешь моей.

СТАСЯ. Я тебя ненавижу!

ЯРОСЛАВ. Постой! Я пошутил! Неудачно... Завтра ты придёшь?

СТАСЯ. Да.

СТАСЯ уходит, хлопнув дверью. ЯРОСЛАВ, постояв немного на пороге, тоже уходит. Мелодия становится громче. ИЯ танцует с АНТОНОВЫМ. АННА с ПЕТЕЙ. ПЕТЯ все время спотыкается и норовит положить голову АННЕ на грудь.

ГОЛОС ОТЦА. Никого нет. Ничего нет. Нет и не было. Ничего. Никогда.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван!

ГОЛОС ОТЦА. Да уж, лучше я всегда молчать буду... О чем с вами вообще разговаривать...

Сцена 8

Офис Мемориала, ночь. Освещение - только экран компьютера. ЯРОСЛАВ неподвижно сидит перед экраном.

ГОЛОС РАЕВСКОГО. Идея-то хорошая. Но слишком в лоб. Это ж тебе не депутат. С ней надо осторожно. Будто сама додумалась. ... А тебя нервы подвели, юношеский пыл. Ну, ничего. Ты способный, научишься.

ЯРОСЛАВ (*хватаясь за голову*). Нет-нет-нет. Не хочу слышать. Я не такой!

ГОЛОС РАЕВСКОГО. Такой, такой. У меня чутьё.

ЯРОСЛАВ. Нет-нет-нет! Это не я.

ГОЛОС РАЕВСКОГО. Это нормально. Многие поначалу отказываются. Но от призвания не уйдёшь.

ЯРОСЛАВ хватает со стола пепельницу, швыряет в пустой угол.

ГОЛОС РАЕВСКОГО. То пепельницей, то чернильницей. Скучно. Выпить хочешь?

ЯРОСЛАВ вытаскивает из-под стола бутылку, брезгливо вертит в руках.

ЯРОСЛАВ (*усмехаясь*). Бренди «Вечерний город» со вкусом лака для мебели? Как на школьной дискотеке? Я думал, у вас что-нибудь посерьёзнее припасено.

ГОЛОС РАЕВСКОГО. Так это ж не для тебя, мой мальчик! Ты эту бутылочку сейчас откупоришь, немного выльешь, будто пил и не допил. И оставишь на видном месте. Я туда ещё снотворного подмешал. Ясна идея?

ЯРОСЛАВ (*кричит*). Ни за что! Он мой учитель! Я никогда...

ГОЛОС РАЕВСКОГО. Фу-фу-фу. Русским духом пахнет. Много пафоса и ноль пользы. Этот алкаш тебе только мешает. Мне, конечно, не нравится то, чем ты занимаешься. Но и здесь можно делать карьеру, имя. Ты сам поедешь и откопаешь эти расстрельные ямы. Твоё открытие. Твоя слава. Твои статьи и интервью. Можно и диссертацию... А то, заметь, ты всё делаешь, а он присваивает. Весь город знает Мая Катунина. И никто не знает Ярослава Найдёнова. Справедливо? Тебя, кстати, в честь него назвали? Того лётчика, которого ты мне под дверь провозглашал? Упрямый был. Пришлось повозиться. Но я люблю сложные задачи.

ЯРОСЛАВ (*вскакивает*). А вот это вы зря! Я теперь ни за что с вами не буду иметь дела! (*выбегает из офиса, хлопнув дверь*)

ГОЛОС РАЕВСКОГО. Конечно, не будешь. Ты ведь это всё сам придумал. Без всяких подсказок. Гордый мальчик. Чистюля. Трудный случай. Всё, как мы любим.

Сцена 9

Поле под деревней Селиваново. Появляются ЯРОСЛАВ, СТАСЯ. Сзади, озираясь, плетется ПЕТЯ. Долгое время идут молча.

ПЕТЯ (*нервно*). Почему здесь так тихо? Почему птиц не слышно? Там сейчас орел летел, так даже он развернулся и полетел обратно.

ЯРОСЛАВ. Пустельга.

ПЕТЯ. Чего?

ЯРОСЛАВ. Это была пустельга.

ПЕТЯ. Ты ещё и латентный орнитолог в придачу?

ЯРОСЛАВ. Напоминаю. Вопросы буду задавать я.

ПЕТЯ. Я уже выучил. Мастер допросов у нас ты. А я буду щипцы подавать. А она? Вдохновлять тебя своей неприступностью?

ЯРОСЛАВ ускоряет шаг, догоняет СТАСЮ. ПЕТЯ устремляется следом, спотыкается.

ПЕТЯ. Зачем я вообще сюда поперся?! Нет, вы, правда, ничего не чувствуете?! Тут же прямо всё вибрирует... (*спотыкается, падает*) А-а-а! Меня кто-то за ноги схватил! Серьёзно!

СТАСЯ (*оборачиваясь*). Это трава.

ЯРОСЛАВ (*не оборачиваясь*). Прекрати истерить. Или отправляйся домой.

(*СТАСЕ, тихо*). Хорошо, что ты поехала.

СТАСЯ. Почему всё-таки мы не дождались Мая Александровича?

ЯРОСЛАВ (*раздражённо*). Я же объяснял. Он запил. А это надолго. Месяц будет колесить по городу с расстёгнутой ширинкой. Потом под капельницей отлёживаться. Уже снег выпадет. Копать нельзя будет.

СТАСЯ. Понимаю. Но всё равно нехорошо как-то...

ЯРОСЛАВ. Можно подумать, только он имеет право этим заниматься. Наоборот. Преемственность поколений. Всё правильно.

СТАСЯ. А у меня чувство, что всё неправильно. И зря мы вообще сюда сунулись. Без него ничего не выйдет.

ЯРОСЛАВ. Дешёвые суеверия. С ним, без него – какая разница. Дело надо делать...

ПЕТЯ (*кричит сзади*). Вы слышали? Вы тоже это слышали? Кто-то кричит! Вон из тех берёз. А там никого! Да стойте же!

Со стороны деревни появляется деревенский дурачок ВОЛОДЬКА. Он сильно хромает, опираясь на посох. Грязные волосы перехвачены шнурком. Из образа выбивается только белоснежный пуховик. Увидев чужих, ВОЛОДЬКА останавливается и, путаясь в руках, стягивает пуховик.

ВОЛОДЬКА (*придурковато улыбаясь*). Люди добрые! Купите скафандр! Греет, как печка! Крестом богом клянусь, не спёр! В церкви вчера дали. Купите? Или на пузырь махнёмся? На два.

ЯРОСЛАВ (*брезгливо*). Не нужно. Надень обратно.

ВОЛОДЬКА (*послушно одевается*). Ну тогда за просто так налейте старому солдату. А?

ЯРОСЛАВ. За просто так ничего не делается.

ВОЛОДЬКА. А чего вам? Сплясать что ли? (*пытается изобразить коленце, зацепляется одной ногой за другую, падает на колени*) Володька-дурак и на коленках постоять может, если господам приятно. Володька не гордый.

ЯРОСЛАВ. Встань. Дело есть. Расскажешь что-нибудь ценное, получишь (*вынимает из портфеля бутылку бренди «Вечерний город»*).

ВОЛОДЬКА (*умоляюще*). Начальник, дай глоточек задатку. В голове темно.

ЯРОСЛАВ. Никаких задатков. Сначала дело. Ты местный?

ВОЛОДЬКА. Тутошний, тутошний... начальник, крестом богом...

ЯРОСЛАВ. С рождения тут живёшь?

ВОЛОДЬКА. Глоточек, а? Один-единый... мотор запустить...

ПЕТЯ (*ЯРОСЛАВУ*). Да чего ты издеваешься?! Смотреть тошно! Дай человеку выпить, потом допрашивай!

ЯРОСЛАВ (*сквозь зубы*). Не лезь.

ПЕТЯ (*доставая из кармана бутылку*). Иди сюда, брат-солдат.

ВОЛОДЬКА дрожащей рукой вцепляется в бутылку. Слышно бульканье и стук горлышка о зубы.

ПЕТЯ. Эй, стой! Мне-то оставь! Эй! Это на всех было!

ВОЛОДЬКА (*выкидывает пустую бутылку*). Эх, я-то думал спирт. А это какой-то сиропчик городской. Только губу разъело.

ПЕТЯ. Всё высосал и ещё недоволен!

ВОЛОДЬКА. Ну, чего вам надо? Дом купить? У нас полно. Почти вся деревня пустая.

ПЕТЯ. Нет, дом не надо. Мы узнать хотели... Мы ищем место, где тут у вас... э-э-э... людей похоронили... ну, после этих самых... расстрелов...

ВОЛОДЬКА, не меняя придурковатого выражения лица, молча разворачивается и начинает резво хромать прочь. ЯРОСЛАВ в бешенстве оборачивается к ПЕТЕ. Тот виновато пожимает плечами. Неожиданно появляется расхристанный МАЙ.

МАЙ (*с весёлой злостью*). Упустили языка, дилетанты? Ничего. Сейчас я с ним сам потолкую.

ЯРОСЛАВ (*растерянно*). Как вы...

МАЙ. Каком кверху! Проснулся и попутку поймал. А ты думал, бутылку мне подсунешь и отвяжешься?

СТАСЯ смотрит на ЯРОСЛАВА.

ЯРОСЛАВ (*смутившись*). Я ничего не подсовывал.

МАЙ. А поило кто в офис приволок? Прокурор Раевский?

ЯРОСЛАВ (*вздрагнув*). Да это я там пил... пытался...

МАЙ. Врёшь, щукин сын! Ты не пьёшь!

ЯРОСЛАВ (*заводясь*). А тут захотелось!

МАЙ (*орёт*). С чего бы вдруг?

ЯРОСЛАВ. Да мало ли с чего. От несчастной любви. К примеру.

МАЙ хохочет. ПЕТЯ смотрит на него с ужасом.

МАЙ (*указывая на ПЕТЮ*). А это недодо зачем с собой притащили? У него вон глаза сейчас выпрыгнут. И по земле покатаются. Как колобки.

ЯРОСЛАВ (*тихо*). А это потомок.

ПЕТЯ. Чего?

СТАСЯ встаёт между ними. Смотрит на ЯРОСЛАВА в упор.

ЯРОСЛАВ (*отводя взгляд*). Ничего.

МАЙ. Ладно. Некогда в ваши треугольники вникать. Пойду с человеком потолкую. Всем сидеть смирно. Не вякать (*уходит*).

Сцена 10

Проржавевшая до дыр автобусная остановка, заваленная пустыми бутылками и битым стеклом. Внутри остановки сидят ВОЛОДЬКА и МАЙ, выпивают. Вокруг, каждый со своей стороны, сидят, прислонившись спинами к остановке, СТАСЯ и ПЕТЯ. ЯРОСЛАВ, прямой и неподвижный, как памятник, стоит на дороге, по которой уже давно ничего не ходит. ВОЛОДЬКА закуривает, мучительно кашляет. ЯРОСЛАВ смотрит на него с гадливостью. МАЙ машет рукой, словно отгоняет муху.

МАЙ (*приглушённо*). Сгинь! Сгинь, говорю! Не отсвечивай!

ЯРОСЛАВ неохотно делает шаг в сторону.

ВОЛОДЬКА (*сквозь кашель*). Не, ничего не помню. Батя тогда так отходил по башке оглоблями, до весны на печи помирал. Зато от школы освободили на веки вечные.

МАЙ откручивает крышку от пузырька боярышника быстрым, жёстким движением, будто сворачивает кому-то шею. ВОЛОДЬКА смотрит, как загнипнотизированный.

МАЙ (*уверенно*). Они тебе снятся.

СТАСЯ и ВОЛОДЬКА синхронно вздрагивают.

ВОЛОДЬКА. Ась?

МАЙ. Люди эти. Нельзя было их видеть. А ты увидел.

ВОЛОДЬКА. Да я ненарочно! Утром мамка нас с братом по грибы выгнала, ещё до света. А грузовик энтот едет, прям по полю. А в нем... Не, ничё не помню, отстань, дядя.

Появляется АННА. Медленно идёт по дороге мимо остановки.

МАЙ. Кузов открытый или брезент?

ВОЛОДЬКА. Не. Всех видать было. На коленках стояли. А по краям - дяденьки с винтовками. Я сразу смекнул: шпиёнов везут. Нам в школе про них толковали. И вот среди энтых шпиёнов одна тётенька была. Такая мягкая, белая... как кулич. С двумя косами. И она нас с Ванькой увидела, вскочила... И как завоет: "Дети мои, детоньки, прощайте!!!"... и руки так тянет к нам... А дяденьки её прикладами, прикладами, пока не затихла...

МАЙ. Когда мы её похороним, она тебя отпустит.

ВОЛОДЬКА (*машет рукой, кричит, задыхаясь*). Там! Через поле, в сторону города. Перелесок берёзовый, ель кривая... Она живая там, живая! Батя, отрыть надо! Она из-под земли стонет! Зовёт. "Дети мои, детоньки"... А-а-а...

АННА подползает к ВОЛОДЬКЕ, хватая его за ноги, тянет к себе. Тот с воем ужаса падает со скамейки и мгновенно затихает. МАЙ наклоняется, гладит АННУ по голове, тормошит ВОЛОДЬКУ.

МАЙ. Сомлел, горемыка. Ну что ж (*быстро встаёт, ЯРОСЛАВУ*). Где лопаты?
ЯРОСЛАВ. В машине.

МАЙ. Давай дуй. Да родственничка своего прихвати. Чего зря мается?

ЯРОСЛАВ брезгливо тянет ПЕТЮ за воротник. Тот вскакивает, как ошпаренный.

ПЕТЯ. А-а-а! Сдурели? Никуда я не пойду! Никакие лопаты... С меня хватит! Тут деревья кричат! (*пробегает немного по дороге, потом возвращается к СТАСЕ*). Love of my life, слышишь? Don't leave me! Поедем отсюда, а? Чего ты тут забыла?

СТАСЯ мотает головой. ПЕТЯ пинает пустую бутылку.

ПЕТЯ. Ну, конечно! Мертвецы тебе важнее!

ЯРОСЛАВ делает шаг к ПЕТЕ. Тот убегает.

МАЙ (*хохочет*). Эк вашего хлюпика пробрало!

ЯРОСЛАВ. Ладно. Я за лопатами. (*Уходит*).

Сцена 11

Та же остановка. ВОЛОДЬКА спит на асфальте. АННА сидит, положив голову на колени МАЮ, тот перебирает её волосы. СТАСЯ смотрит в поле.

МАЙ. Эх да, любовь, любовь... Любишь ты его? Шута этого горохового?

СТАСЯ. Он не шут. Он поэт.

МАЙ. Одно другому не мешает. Шут, поэт, трус. Всё, что нужно женскому сердцу. Ну, ещё начинающий алкаш. Чтоб спасать.

СТАСЯ пожимает плечами. Пауза.

МАЙ. А я вот думаю, это Анька орала. Антонова Анька. Нутром чую. Она это. Точно. Белая, с косами. Я её давно ищу.

СТАСЯ садится на скамейку рядом с МАЕМ.

МАЙ. Меня прям подбросило, когда я про эту деревню услышал. Не знаю, откуда наш Янус выудил эту информацию. Кого за неё продал... Да и ляд с ним... Я ведь эту Анку-комсомолку много лет ищу, похоронить хочу по-людски... Нигде о ней ничего не было – расстрел и точка. Как в воду канула... А я ведь, можно сказать, жил с её фотографией. Пока не сгорела, когда я предыдущий офис по пьяни спалил... Знаешь, сколько их через меня прошло. Этих баб замученных, этих судеб. А вот она почему-то зацепила... намертво... Знаешь, как бывает... Ни с того ни с сего... Только лицо её увидел... на фотке тюремной, в фас и профиль...

Глаза эти... как рыболовный крючок в сердце... Я в 16 лет в ад попал, зелёный совсем, любви не знал... ну, нравилась одноклассница какая-то... даже лица не помню... а после уже не до любви было. Одна ненависть уцелела, как самый прочный материал... Так и жил. Даже забыл, что с людьми такое случается... а тут она. Смотрит и смотрит, будто ждёт чего... и не просто так, в общем смысле, а именно от меня... Понимаешь?

СТАСЯ кивает. Приходит ЯРОСЛАВ с лопатами.

МАЙ (*поднимаясь*). Ну, пойдём, Евно Азеф. Пойдём, покопаем. Только сразу говорю. Если я её найду, Анку мою, вы оба сгините. В тачку и в город. Ясно? Я один с ней побыть хочу.

Уходят.

Сцена 12

МАЙ сидит один в лесу. Рядом лежит лопата. И полуистлевшая модельная туфелька. В руках МАЯ череп с остатками двух светлых кос. МАЙ курит и разговаривает с черепом. Слов не слышно. Сзади МАЯ сидит АННА, намертво прильнув к его спине.

Сцена 13

Ночь. Квартира ЯРОСЛАВА. ЯРОСЛАВ сидит в позе лотоса, смотрит на свечу. Стук в дверь.

ЯРОСЛАВ (*осторожно подходя к двери*). Кто там?

Ответа нет. Через какое-то время стук повторяется.

ЯРОСЛАВ (*волнуясь*). Кто?! Это... ты?..

Ответа нет. Стук. Пауза. Стук. ЯРОСЛАВ рывком распахивает дверь. На пороге – РАЕВСКИЙ.

РАЕВСКИЙ. Конечно, я. А ты кого ждал? *Её?* Вот про *неё*-то я с тобой и пришёл потолковать.

ЯРОСЛАВ хочет что-то сказать. РАЕВСКИЙ оттесняет его, входит в квартиру, оглядывается.

РАЕВСКИЙ. Нет. Ты будешь молчать и слушать. Но для начала сходишь ко мне и принесёшь стул. Лови, на верхний закрыто (*кидает ЯРОСЛАВУ ключи, ЯРОСЛАВ их роняет*). Эх ты. Вот что значит – без норм ГТО. Иди, иди. Или ты думаешь, я стоять буду? Возраст уже не тот. Иди.

ЯРОСЛАВ, поколебавшись, идет к дверям. Потом останавливается.

ЯРОСЛАВ. Уходите. Нам не о чем разговаривать.

РАЕВСКИЙ. Давай живей.

ЯРОСЛАВ. Я серьёзно. Уходите, пожалуйста.

РАЕВСКИЙ (*достаёт из портфеля листок бумаги*). А вот это разве не повод для разговора?

ЯРОСЛАВ. Что это?

РАЕВСКИЙ. Ну, подойди, посмотри поближе. Я не кусаюсь... Но-но! Только в моих руках.

ЯРОСЛАВ (*убито*). Не может быть... Я только сегодня подал... И оно уже у вас.
РАЕВСКИЙ. А ты на что рассчитывал?
ЯРОСЛАВ. Это незаконно! Это... это подло! Где правосудие?..
РАЕВСКИЙ. За стулом иди уже.

ЯРОСЛАВ выбегает из квартиры.

РАЕВСКИЙ (*брезгливо оглядываясь*). На мебель не заработал, правдоискатель. Нет, я его переоценил, конечно. Столько щенячьего идеализма. Ещё расти и расти. Ну ничего. На безрыбье...

ЯРОСЛАВ прибегает со стулом, грохает его перед РАЕВСКИМ. Тот спокойно переставляет стул в удобное для себя место. Не торопясь, устраивается. ЯРОСЛАВ стоит столбом посреди комнаты.

ЯРОСЛАВ. Я в Верховный суд подам! Или у вас там тоже свои люди? Которые вам в тот же день заявление мое принесут. На блюдечке с голубой...

РАЕВСКИЙ. Никуда ты не подашь, мой мальчик. Потому что это заведомо плохая идея... Ты хочешь произвести впечатление на девушку...

ЯРОСЛАВ. Я хочу справедливости!

РАЕВСКИЙ. Молчи и слушай. Не люблю, когда перебивают. Так вот. Девушка. Та самая, для которой ты про Антоновых у меня выведывал. Очевидно, трюк не сработал? Не впечатлило? Мои соболезнования... Тогда ты решил зайти с другой стороны. Подать на меня в суд. Логика ясна. Но воображения не хватило. У таких поклонников логики, как ты, всегда с воображением проблемы.

ЯРОСЛАВ. Я не понимаю, при чём...

РАЕВСКИЙ (*кричит*). Молчать! Последний раз предупреждаю! (*Пауза, дальше говорит своим обычным вкрадчивым тоном*). Так вот. Просто представь, как это будет выглядеть со стороны. Молодой, полный сил бугай. Травит немощного старика. Я ведь могу быть очень, о-о-очень жалким (*изображает, будто у него трясутся голова и руки, горбит спину, говорит еле слышным стариковским голосом*)... Не только ей, всем нормальным людям станет тошно... Никакой справедливостью этого не исправишь... Молодой и сильный мучает слабого и старого... Сам подумай.

ЯРОСЛАВ (*хватается за голову*). Хватит! Замолчите!

РАЕВСКИЙ (*подносит заявление к свечке, аккуратно кладет горящую бумагу на подоконник*). Я сам решаю, когда мне молчать... Так вот. Я мог бы взять с тебя плату. За то, что спас тебя от роковой ошибки. Но ты мне симпатичен. Думаю, мы с тобой ещё не раз встретимся. Поэтому я решил сделать тебе подарок.

ЯРОСЛАВ. Что?

РАЕВСКИЙ. Доступ к нашим архивам, мой мальчик.

ЯРОСЛАВ. Мертвыми душами откупиться хотите?

РАЕВСКИЙ (*встаёт*). Ничего не говори сейчас. Дай себе время подумать.

ЯРОСЛАВ. Тут не о чем думать! Стойте! Стул свой заберите!

РАЕВСКИЙ (*выходя из квартиры*). Занесёшь на днях.

РАЕВСКИЙ уходит. ЯРОСЛАВ пинает стул.

СЦЕНА 14

Справа, прислонившись к пьедесталу, сидит СТАСЯ, слева – ПЕТЯ. Они не видят и не слышат друг друга.

ПЕТЯ. То, чего я боялся больше всего... сойти с ума... я ведь слышал, как кто-то кричал, а они не слышали... и кто-то хватал меня за ноги, а они говорили: трава...

СТАСЯ. Я видела, как земля выплёвывает человеческие кости... или рождает... я хотела убежать... а Май Саныч взял в руки, погладил так нежно: берцовая, говорит, женская... и я вдруг... мне... стало незачем бежать...

ПЕТЯ. И это жуткое бородатое слово... СЕЛИВАНОВО... оно на меня из всех кустов топором замахивалось будто... в город приехал, думал всё, спасся – а оно за мной... через пару дней заглядываю в урну, а там – СЕЛИВАНОВО... газета скомканная... достал зачем-то, стал читать...

СТАСЯ. А потом туфли отрыли, лодочки... и он мне их швырнул. Не твой размер? Может, примеришь? У меня всё поплыло прямо перед глазами... а он кричит: нечего тут, нежные по домам сидят, зажмурившись... а ты смелая, смотри и не отворачивайся! И я стала смотреть...

ПЕТЯ. Стаськин клерк статью накатал... про СЕЛИВАНОВО... что отрыли они там расстрельный полигон и всё такое... я не вникал особо... глаза сами об эту строчку споткнулись... *«По остаткам светлых кос и модельным туфелькам была опознана второй секретарь обкома комсомола Анна Антонова»*... Ну как так можно? Разве нельзя по-человечески сказать?

СТАСЯ. Мне кажется, я после этого полигона уже ничего в жизни бояться не буду... Кроме одной вещи, разумеется... Что он ему всё-таки расскажет... Я не знаю, как бы я смогла жить, если бы вдруг узнала о своих такое... В каком-то смысле мне повезло... узнать, что дедушка расстрелян, это одно, а вот, что расстреливал... и что с этим делать?

ПЕТЯ. Я понял, что если не выпью, то сойду с ума. Без всяких метафор. Клинически. Я уже от каждого звука шарахался. Будто из горячей точки вернулся... Пошёл в общагу театралки. Там всегда что-то празднуют... И очень быстро внутри меня запылал самогон... и я лежал у стены и не мог подняться... но туфельки и косы, падлы, они никуда не делись... они по-прежнему были в моей голове... только теперь кружились...

СТАСЯ. Я думала даже спросить Май Саныча, что мне делать... Но потом представила, как он заржёт: «во мамка-то нашлась! Так и будешь всю жизнь его под юбкой прятать от *этого ужасного мира?*»...

Входит АННА с маленьким ручным барабаном, одетая во что-то разноцветное. Садится на пол, начинает наигрывать и напевать без слов.

ПЕТЯ. Потом пришла девушка. Села и стала играть на ручном барабане... руки такие большие, белые... было почти темно... и эти руки летали передо мной, как лебеди... она пела... и я почему-то решил, что её зовут Анна... может, кто-то к ней так обратился, не помню... я лежал и думал: Анна поёт, Анна поёт... чтобы не думать о косах и СЕЛИВАНОВО... Анна поёт...

СТАСЯ. И я ведь не только Ярослава боюсь, что он расскажет. Я и себя боюсь. Вот разозлюсь на что-нибудь. На какую-нибудь очередную Вику... и скажу... и этим ему жизнь сломаю... и себе... потому что всю жизнь не прощу себе, что сказала...

ПЕТЯ. Я оторвал кусок обоев и просто написал то, что видел. *Сильные белые руки у женщины Анны*. Я не собирался писать стихи. Я уже не надеялся, что они когда-нибудь вернуться... И вдруг из меня будто пробка вылетела... и полилось... и когда я понял, про что на самом деле пишу, про какую Анну... их было уже не остановить... И я писал, писал... а потом мне стало так легко, что хотелось набить карманы камнями, чтобы не улететь... и я уснул...

ПЕТЯ заваливается на бок, засыпает. АННА встаёт, вынимает у него из рук клочок обоев.

АННА (*читает*).

сильные белые руки у женщины анны
сильный стремительный голос похожий на реку
анна поёт и бельё на коленях полощет

анна поёт и плетёт свои крепкие косы
будто бы вяжет в снопы золотые колосья

солнечным утром по голому русскому полю
анну везут убивать на колени поставив
видит на поле она двух голодных мальчишек
дети мои причитает безумная анна
тянет к ним руки большие бессильные руки

жизнь отрывают от анны а анну от жизни
намертво с жизнью сцепилась огромная анна
вот уже яму поспешной землёй забросали
вот уже стихло и эхо в лесу осквернённом
а под землёй бесконечная анна рыдает

сохнет над анной земля камня от боли

молча сидят на ветвях онемевшие птицы
молча стоят не решаясь качнуться деревья
молча над ними лежит обездвиженный ветер
а под землёй продолжается женщина анна

руки её оплетают холодные корни

руки её обнимают голодное поле
руки её поднимают пустынное небо

голос её поднимается выше и выше

анна поёт

СЦЕНА 15

ПЕТЯ вприпрыжку, будто сейчас взлетит, бежит по улице. Сзади его нагоняет ЯРОСЛАВ, лицо у него злое и решительное. Им навстречу идёт РАЕВСКИЙ, из авоськи торчит батон. Он отечески

кивает ПЕТЕ, тот улыбается в ответ. РАЕВСКИЙ подмигивает ЯРОСЛАВУ. Тот резко разворачивается и уходит. РАЕВСКИЙ смеётся.

КОНЕЦ

Пьеса написана в 2020 году на фабрике нарративного театра «Дисциплина» в Новосибирском театре «Старый дом». Пожалуйста, указывайте эту информацию во всех рекламных материалах, связанных с использованием этого текста — например, в анонсах, программках и пресс-релизах.

~~ДИСЦИПЛИНА~~